

Бестселлер Amazon Charts

КРАСНАЯ

пристанище для потерянных душ

ГОРА

место, наполненное тайнами

БО УОКЕР



Лабиринты жизни

Бо Уокер
Красная гора

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уокер Б.

Красная гора / Б. Уокер — «Издательство АСТ»,
2016 — (Лабиринты жизни)

ISBN 978-5-17-134256-2

Красная гора – пристанище для потерянных душ. Здесь бок о бок живут эксцентричный винодел Отис Тилл и мать-одиночка Марго, дочь знаменитых родителей Эмилия Форестер и Брукс Бейкер – человек, отчаянно бегущий от собственного прошлого. Их судьбы и истории причудливо переплетаются, как лоза винограда, что выращивают на Красной горе. Но там, где каждый близко знаком друг с другом, секреты быстро становятся ядом, способным разрушить все. Смогут ли обитатели Красной горы справиться со всеми проблемами и стать сильнее? Или же их идиллия будет разрушена? Трогательная история о людях и месте, которое их объединило.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134256-2

© Уокер Б., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	17
5	21
6	26
7	33
8	37
9	41
10	44
11	48
12	54
13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Бо Уокер

Красная гора

*Красной Горе – месту, которое нашло меня,
когда я чувствовал себя потерянным.*

1

Койот без стаи

Конец сентября. Штат Вашингтон

Отис Пеннингтон Тилл вошел в свой виноградник сира¹, посасывая незажженную трубку, вырезанную из корня шиповника, когда удивленная луна заливала светом окрестности. В свои шестьдесят четыре мужчины двигался с изрядной долей грации, несмотря на то что поясница все еще болела – в начале года он неосмотрительно поднял тяжелую бочку с вином.

Неподалеку койоты выли на светящийся в огромном небе диск, нарушая покой Красной Горы. Он слышал, как тревожно блеет стадо овец, пасущихся в низине, но знал, что его верный большой пиреней² Джонатан начеку.

– *Ба-а-а* вам в ответ, друзья! – крикнул он с британским акцентом, оставшимся от его лондонского детства.

Пнув носком рабочего ботинка перекасти-поле, Отис сорвал несколько виноградин с одной из десятилетних лиан сира, положил их в рот и закрыл глаза. Почувствовал, как жесткая кожица лопнула под зубами и сок растекался по языку. Он надеялся, что будет поражен сложностью вкуса, аппетитной кислинкой, от которой рот наполняется слюной, бархатистыми танинами, изысканностью. Но сегодня виноград не порадовал нюансами, которые он привык ощущать, пробуя созревающие на Красной Горе ягоды.

Вот уже две недели Отис бился со своим обонянием и вкусовыми рецепторами. Когда он впервые заметил эти симптомы, то списал их на простуду, на возрастные проблемы, на результат слишком долгих часов, проведенных с курительной трубкой, особенно в последнее время. Но его состояние стремительно ухудшалось и грозило помешать изготовлению вина в этом году.

Отис выплюнул косточки на землю, словно в лицо своему противнику. И с проклятиями швырнул трубку в грязь.

Пытаясь справиться с охватившим его гневом, он набрал в легкие прохладный чистый воздух и поднял лицо к полной луне, взвизгивающей с неба, словно ярко-оранжевый глаз ночи.

– Пожалуйста, не отнимай у меня вино! – взмолился он. – Это все, что у меня есть. С таким же успехом ты можешь убить меня прямо сейчас.

Отис в сердцах бросил свою твидовую кепку на землю. Потом стянул кардиган, клетчатую рубашку, ботинки, брюки и все остальное. Обнаженный, он стоял высокий и гордый, несмотря на то что кожа стремительно покрывалась мурашками. Мужчина поднял руки вверх, словно собирался поймать звезду. Потом медленно поднес к лицу правую ладонь, поцеловал ее и отправил этот поцелуй в небеса, членам своей семьи – сыновьям и жене.

– Я мог бы присоединиться к вам раньше, мои любимые.

Опустившись на четвереньки, он снова посмотрел на луну и завыл. Совершенно не стесняясь, как ребенок. Так громко, как только мог, словно подражая диким собакам, бродящим в темноте, кричащим, поющим свои песни.

Ау-уууу – у-уууу! Ау-уууу – у-ууууу!

Остановившись, чтобы перевести дух, Отис отметил, что койоты завизжали громче, будто приветствуя его. Он различил высокие интонации молодых особей, глубокий навязчивый голос взрослых и завыл сильнее, выворачивая душу.

¹ Сира – технический сорт винограда для производства красных и розовых вин.

² «Большой пиреней» – порода собак, по-другому – «пиренейская горная собака», выведена во Франции.

Ау-уууу – у-уууу! Ау-уууу – у-ууууу!

Казалось, ему стало легче. Отис оделся и направился к дому, находящемуся в западной части участка в сорок акров. Он гордился тем, что каждый квадратный метр его владений был ухожен и опрятен. На его земле нельзя было найти даже крышки от бутылки, несмотря на то что периодически сильные ветры приносили мусор с дороги. Каждый шланг был свернут по армейским стандартам. Сорняки практически не попадались. В овечьем загоне можно было спать, а в курятнике – обедать. Всю свою энергию, всю аккуратность, так свойственную Девам и обычно направляемую на любовь и заботу о других людях, Отис направил на своих животных, свое имущество и свое вино.

Он вошел в каменный дом, который они построили с женой, и направился в кабинет. Часто вечерами, когда Отис хандрил и не мог заставить себя заняться чем-либо полезным, он находил капельку утешения в созерцании стеллажей, расположившихся вдоль стен кабинета. Они были заставлены коллекцией книг с загнутыми страницами. Каждая из них была зачитана почти до дыр и доставила ему огромное удовольствие в свое время. Особенно он любил те, которые были написаны английскими авторами: Шекспиром, Джорджем Оруэллом, Д. Г. Лоуренсом, Грэмом Грином и Черчиллем. Отис чувствовал родство с ними, несмотря на то что жил в Штатах с юных лет.

Мужчина нажал кнопку на CD-плеере, зазвучал джаз Арта Тейтума. Из хрустального графина он налил себе торфяного виски двенадцатилетней выдержки и сел в кресло. С тех пор как пять лет назад умерла его жена, он не спал в их общей кровати. Никак не мог себя заставить. Ему было невыносимо вспоминать об интимных моментах: как переплетались их обнаженные тела, как Ребекка гладила его волосы, как по утрам что-то нежно бормотала сонным голосом, по которому он теперь так скучал; об их глупых подушечных боях и о ленивых субботах, раз в месяц, когда они валялись в постели до полудня. После ее смерти он спал на диване или в этом чудовищном кресле, на потрескавшейся, потертой коже которого уже отпечатался контур его тела.

Используя нож для вскрытия писем, доставшийся ему от отца, журналиста, писавшего для лондонского «Телеграф» и «Боузмен Дейли Кроникл», Отис порылся в стопке корреспонденции. В итоге нашел конверт, исписанный крупным витиеватым почерком, принадлежавшим Морган – его тете по материнской линии. Она не доверяла компьютерам, чем любила прихвастнуть, и ее послания доставлялись исключительно почтой.

Даже ее имя, просто написанное в обратном адресе, заставило Отиса застонать. Морган была первой леди Монтаны, королевой бала, но он мог выносить тетку только в малых дозах. Ее характер соответствовал почерку – слишком значительный и сильный для миниатюрного тела. Отис не сомневался, что Морган переживет его лет на тридцать. Как обычно, письмо начиналось безобидно. Но Отис был достаточно умен и понимал, что без сюрприза не обойдется. И тот не заставил себя ждать. Последние строчки заставили мужчину подскочить и наполнить стакан виски. Он слышал ее пронзительный голос, когда перечитывал концовку:

«Я еду повидаться с тобой, милый. Сколько прошло после похорон? Пять лет? Невозможно. Похоже, ты и я – единственные из нашей семьи, кому удастся выжить в этом порой ужасном мире. Мы должны поделиться секретами. Буду в понедельник. По словам милой дамы на почте, ты должен получить это письмо в субботу. Я хотела, чтобы у тебя не было времени остановить меня. Позаботься о наличии нескольких видов «Фолджерс»³ и коктейлей. Ты же знаешь, что я терпеть не могу отстойные Сизтлские моносорта.

*До скорой встречи,
Морган»*

³ Кофе «Фолджерс» – один из старейших американских брендов.

Отис потянулся за наполовину опустошенным пакетом свиных шкварок и принялся копаться в них, обдумывая свои дальнейшие действия. Он поднял глаза на урну, в которой покоился прах его жены, – бирюзовый сосуд, подарок друга – гончара из Сономы.

– Ты не поверишь, кто едет в город, Бек, – сказал он, откладывая закуску. – Тетя Морган. Она все еще пытается свести меня с какой-нибудь девушкой. – Он покачал головой. – Морган так сильно тебя любила! Не понимаю, почему она вообще хочет, чтобы я заменил тебя.

Никто не знал, что Отис хранил прах жены в кабинете. Он сказал ее брату и лучшей подруге, что развеял его в их винограднике на Красной Горе, как она и хотела. Но ему нравилось, что Ребекка остается в доме, и он не был готов попрощаться. Некоторое время он смотрел на урну, предаваясь воспоминаниям, пытаясь сосредоточиться на самых счастливых. Затем пожелал покойной жене доброй ночи и вернулся к мыслям о своей непрошеной гостье.

Тетя Морган! Едет на Красную Гору! Какая катастрофа! Она намекала на эту поездку уже несколько месяцев. Видимо, решила, что ему одиноко и грустно и пришло время снова начать с кем-нибудь встречаться. Своей чрезмерной опекой она заставляла его чувствовать себя пятнадцатилетним. И теперь она едет в город.

Невольно воображение Отиса разыграло серию катастрофических сценариев, вызванных ее визитом; все они были сосредоточены на том, как он будет опозорен перед своими друзьями и прочими жителями Красной Горы. Отис знал о своей репутации в горах. Он был уважаемым лидером, новатором, носителем мудрости, крестным отцом, человеком, к которому приходили молодые виноделы и виноградари. Как легко Морган могла все это разрушить, оставив его уязвимым и незащищенным, чтобы его разорвали на части и высмеяли молодые хищники. Он совершенно приуныл.

Через несколько часов Отис проснулся в кресле. Окно выходило на Красную Гору, высотой более четырехсот метров. Солнце еще не поднялось над вершиной, но уже расцветило ночь бледным серебром, обнаружив силуэты виноградных лоз, бегущих вдоль холмов. В двадцати ярдах⁴ от дома стоял одинокий койот – его тотемное животное – с бело-золотыми глазами, сверкающими в тусклом утреннем свете. Они встретились впервые несколько недель назад, на этом самом месте.

Человек и животное долго смотрели друг на друга, потом Отис приподнял свою твидовую кепку в приветственном жесте и снова закрыл глаза.

⁴ 1 ярд – 0,9144 метров

2

Утраченное искусство погони за мечтой

Рори стоял на их вермонтской кухне, одетый в один из своих дурацких костюмов в тонкую полоску. Красный галстук развязан – его типичный внешний вид после работы. С фальшивой улыбкой политика, которую Марго ненавидела больше всего на свете, он спросил:

– Что на ужин?

Марго подняла глаза от разделочной доски, где рядом с кучкой нарезанной моркови лежал нож Сантоку⁵.

– Привет, милый! Я так рада, что ты дома!

И с этими словами взяла нож за лезвие и метнула в Рори с ловкостью ниндзя. Он вонзился ему прямо в горло. Женщина рассмеялась зловецким, дьявольским хохотом, когда муж упал на колени и истек кровью на кухонном полу. Эти булькающие звуки уходящей из него жизни были симфонией наслаждения для ее ушей.

Марго Пирс потянулась за бокалом мерло и вздохнула, погружаясь в пену, смакуя последние мгновения своего видения-мечты. Принимать ванны в начале дня стало ритуалом. Так же, как и представлять, как она убивает своего бывшего мужа.

Он был мэром Берлингтона, штат Вермонт, отцом ее единственного сына, человеком, который разыскал ее после того, как увидел в Нью-Йорке на Бродвее в фильме «Без ума от тебя», надел ей на палец кольцо и потащил обратно в Вермонт. Человек, ради которого она оставила свою многообещающую карьеру. Рори Симпсон. Одно только имя теперь вызывало у нее отвращение.

Как же ей не повезло быть Марго Симпсон, пусть даже временно! Как же утомительно было выслушивать насмешки и сравнения с героиней «Симпсонов». Она сменила фамилию еще до того, как муж подписал документы о разводе. Мерзавец. Мужчина, чей роман был разоблачен журналистом, сумевшим запечатлеть член Рори во рту его секретарши – распутной маленькой шлюхи по имени Надин. Пикантная новость быстро распространилась по всему миру и сделала Марго самой жалкой женщиной в Америке.

Подобные сны наяву – пусть и тревожные – не давали ей сойти с ума с тех пор, как она ушла от него. Она старалась сохранить цивилизованность каждого воображаемого убийства, используя только предметы, найденные на кухне. Это было единственное правило игры, которая так ее расслабляла. Но Марго понимала, что однажды придется прекратить убивать Рори и занять мысли чем-то другим. Потому что это, конечно же, ненормально. Возможно, не помешало бы сходить к психотерапевту, но сейчас у нее не было на это времени. Она занялась бизнесом, который нужно было начинать с нуля, и дела шли пока не лучшим образом.

В каком-то смысле она должна благодарить мужа за неверность. Деньги, доставшиеся ей после развода, позволили переехать в штат Вашингтон и попытаться осуществить свою самую большую мечту: открыть гостиницу и фермерский приют. Гостиница уже строилась, но связанные с этим траты наличных денег ставили под угрозу создание фермерского приюта – места, где обиженные и брошенные сельские животные могли бы прожить остаток своих дней.

С самого детства она была защитницей всех живых существ, не позволяя друзьям в ее присутствии раздавить даже насекомое. Филипп – трехлетний щенок терьера, когда-то спасенный ею, свернулся калачиком на прохладном кафельном полу у стены. Его жесткая серая

⁵ Сантоку – универсальный японский кухонный нож, буквально переводится как «три хороших вещи» или «три вида использования».

шерсть и царственная походка наводили Марго на мысль, что он должен был бы лежать у ног королевы Гвиневы, пока та находилась при дворе. Марго баловала его соответственно.

Она приобрела дом и землю для гостиницы еще до того, как переехала в Красную Гору, но пока не могла оплатить соседние десять акров для приюта. При таком раскладе кто-нибудь другой мог подсуесться и купить их. Каждый раз, проезжая мимо, Марго хотелось выдернуть табличку «Продается» и спрятать ее в багажник.

По плану гостиница должна была уже открыться, но проволочки в строительстве помешали этому. Подрядчик – человек, которому она перестала доверять, заверил ее, что закончит работу к 1 сентября. Теперь ей очень повезет, если отель откроется к будущему июню. И она будет счастлива, если не вылезет за пределы бюджета.

«Вот что происходит, когда я доверяюсь кому-то, особенно мужчинам», – думала Марго.

Будь ее подрядчик менее осторожным, она бы мечтала в ванной и о нем тоже. У нее не было недостатка в кухонных принадлежностях.

Женщина оделась и спустилась вниз, Филипп следовал за ней по пятам. Ее дом стоял в низине, под Кол Соларе – винодельней, принадлежащей Сент-Мишель и семье Антинори. Она купила его у супружеской пары, работающей в Microsoft и построившей его всего пять лет назад. Марго так и не узнала, почему они уехали, но дом был именно таким, какой она всегда хотела. Не очень большой, но ей с сыном хватало. Белые стены и красная крыша, как в Санта-Барбаре⁶, прекрасно сочетались с пустынным климатом и виноградными лозами, тянувшимися рядами во все стороны, насколько хватало глаз. Бывшие хозяева проделали исключительную работу, обустроявая свое жилище. Не пожалели средств на светильники, бытовые приборы и мелочи, создающие уют. Из-за растущего спроса на недвижимость в Красной Горе Марго заплатила весьма высокую цену, но она верила в свое приобретение. Красная Гора только начала проявлять свой потенциал. Когда-нибудь люди сравнят этот район с Юнтвиллем⁷ или Калистогой⁸.

Она услышала, как хлопнула дверца машины, и вышла через парадную дверь на крыльцо. Ее семнадцатилетний сын Джаспер доставал рюкзак из багажника. Марго очень обрадовалась его приезду. Он был самым очаровательным мальчиком, уже мужчиной, которого она когда-либо встречала, хотя сын не выносил, когда она так говорила. Он был едва ли выше метра шестидесяти, весил около семидесяти килограммов, и у него было такое детское лицо, что порой ей хотелось съесть его. Юноша пытался казаться взрослее, отрастив бороду, но усилия были напрасны, и это только добавляло ему привлекательности. У него был исключительный вкус в одежде, и он очень гордился своим стилем.

Сегодня на нем были красные ботинки от Джона Флювога, темные джинсы и отглаженная белая рубашка на пуговицах. И он сам ее погладил! Каштановые волосы Джаспера были всклокочены, и он носил очки в толстой оправе. Марго предлагала ему LASIK⁹, однако сын только отмахнулся: ему нравилось «быть в образе». Его потрепанная фетровая шляпа редко покидала голову. Весь этот облик особенно работал, когда он садился за пианино, где, кстати, провел большую часть своей жизни. У него был вид начинающей джазовой звезды, «безумного ученого за клавишами», как сказал один из рекрутеров колледжа, пытавшихся его переманить.

Марго все больше и больше убеждалась, что единственный человек, которому она действительно может доверять в этом мире – Джаспер. Каким-то образом, несмотря на все дерьмо,

⁶ Санта-Барбару иногда называют «город красных крыш».

⁷ Город в Калифорнии.

⁸ Местность в североамериканском штате Калифорния, к северо-востоку от Сан-Франциско; известна горячими источниками и «окаменелым лесом».

⁹ LASIK (акроним Laser – Assisted in Situ Keratomileusis – «лазерный кератомилез») – вид коррекции зрения при помощи эксимерного лазера.

через которое она и муж заставили пройти своего мальчика – бредни СМИ, мучительный развод, ее нервный срыв, – сын все еще оставался надежным, как скала. Пока Джаспер есть в ее жизни, все будет хорошо.

Он наклонился и потрепал Филиппа.

– Как дела в школе, дорогой? – спросила Марго.

– Неплохо. Пока присматриваюсь. По окончании учебы я буду лидером.

Джаспер обычно был крайне молчалив, отличный слушатель, но с ней – всегда разговорчив, хотя порой саркастичен. Он трансформировал всю силу своего гнева на отца в заботу о ней.

«Какой удивительный мужчина», – думала Марго. Именно так: мужчина. Теперь он был мужчиной. В душе Джаспер был в два раза старше своего возраста и вел себя соответственно. Увы, из-за этой зрелости и отсутствия общих интересов с одноклассниками ему было трудно завести друзей.

Он подошел к маме, положил руку ей на плечо и чмокнул в щеку.

– Чем ты занимаешься?

– Хочу сделать твои любимые *culurgiones*¹⁰.

– Помочь?

– А у тебя нет домашнего задания?

– Оно точно может подождать.

– Подожди-ка, то есть ты хочешь помочь своей скучной старой маме приготовить сегодня вечером ужин? Чем я заслужила такое везение?

– Мне нравится заниматься с тобой готовкой. Особенно всякими блюдами из Сардинии. Мне бы не помешала какая-нибудь привычная домашняя еда.

– Почему бы тебе не поиграть на пианино часок? Я знаю, тебе не терпится.

Джаспер оказался незаурядным классическим и джазовым пианистом, и сотрудники Джуллиарда, музыкального колледжа Беркли и Консерватории Новой Англии, среди прочих, не давали им покоя в течение многих лет. И то, что один из лучших в стране преподавателей игры на фортепиано живет неподалеку в Ричленде, сыграло не последнюю роль в их решении переехать в Красную Гору.

Когда Джаспер направился в дом, Марго увидела приклеенную к его спине бумажку с надписью: «Я люблю мальчиков». Она догнала сына и аккуратно сняла листок. Он ничего и не заметил.

Неужели ему действительно нравится его новая школа? Она беспокоилась, что без поддержки отца-мэра люди будут больше задирать сына из-за странностей его характера. Но она не хотела с ним нянчиться. Джаспер мог сам о себе позаботиться. По крайней мере она будет продолжать убеждать себя в этом.

Прежде чем последовать за ним в дом, Марго задержалась на минуту, чтобы взглянуть на гостиницу, вернее, на то, что должно было стать ею. Подрядчик был в отпуске и не смог распланировать рабочий процесс так, чтобы он продолжался в его отсутствие. Поэтому участок на другой стороне ее владений был похож на город-призрак. На самом деле единственными признаками жизни были пять кур, которые клевали и усердно скребли землю возле еще неработающего фонтана перед фасадом здания. Сам фасад гостиницы, сложенный из бетонных блоков, был уже готов, но его еще даже не начали штукатурить. Единственным намеком на ландшафтный дизайн была линия молодых черных акаций вдоль подъездной дорожки и парковки.

Марго назвала гостиницу «Эпифани», отдавая дань уважения французским корням матери, семья которой была родом из Каркассона. Несомненно, этому родству Марго была обязана глубокой любовью к кулинарии и европейской кухне. «Эпифани» была двухэтажной, с

¹⁰ Традиционные равиоли на острове Сардиния. Похожи на вареники.

восемью комнатами для гостей на верхнем этаже, каждая с отдельным балконом. Архитектура соответствовала испанскому стилю ее дома. Внизу располагались гигантская столовая, кухня, винный погреб, две ваннные комнаты и большая прихожая с роялем, чтобы Джаспер мог поражать гостей своей игрой. В ясный день с любого стула на заднем дворе можно было увидеть на западе заснеженную вершину горы Адамс.

Марго вошла в дом, чтобы закончить приготовление ужина. Джаспер разминался на «Стейнвее» в гостиной. Ей всегда нравилось, как он играет, даже когда ему было пять и он неумело выстукивал «Сердце и душу». Тогда, как и сейчас, она могла слушать его часами.

Сегодня он дразнил Дебюсси. Она вытащила листок бумаги, который оторвала от спины сына, и снова посмотрела на него. Ее кровь вскипела. Молодость может быть чертовски жестокой.

3

От рождения до смерти

Оглядываясь назад, Эмилия Форестер могла бы легко сказать «нет». Она так долго стремилась к тому, что у нее теперь было! Несправедливо, что даже в семнадцать лет выбор, который ты делаешь, может весьма сильно повлиять на твою жизнь. Нет возможности ошибиться. Обстоятельства безжалостны к человеку от его рождения и до смерти.

И все началось с вопроса: если бы вы могли что-то изменить в себе, что бы это было? Задание написать об этом дал Джо Мэсси – учитель творческого письма в двенадцатом классе средней школы Белмонт в Ричленде, штат Вашингтон. Он призывал их писать от чистого сердца, по-настоящему задумываться, не лицемерить и не скрывать своих чувств. Именно так она и поступила, с легкостью ответив на вопрос, потому что всегда знала ответ, и через неделю сдала работу, которая сняла с нее все слои. Наконец-то кто-то еще узнал правду об Эмилии Форестер, и она нашла утешение в том, что поделила это бремя.

Разумеется, мистер Мэсси заслужил ее доверие. Она не предлагала свою душу бесплатно. С тех пор как в августе она оставила частную школу для привилегированных детей в Сиэтле и начала учиться здесь, чтобы познать реальный мир в государственной школе Восточного Вашингтона, он был рядом. Учитель поощрял ее работать усерднее, чтобы раскрыть свой истинный потенциал. На самом деле она подозревала, что он уже знал правду из ее сочинений. Мистер Мэсси, возможно, был единственным человеком на Земле, который знал настоящую Эмилию, ту самую, которую она так старательно скрывала.

Сегодня мистер Мэсси ходил по рядам своего класса, возвращая листочки, сложенные пополам, чтобы скрыть оценки. Вокруг стоял шепот учеников, увидевших свои результаты: взволнованный, облегченный и разочарованный. Подойдя к Эмилии, мистер Мэсси слегка улыбнулся и положил перед ней работу.

Она посмотрела ему в глаза сквозь очки в проволочной оправе и ответила едва заметной улыбкой. Мистер Мэсси был ненамного старше своих подопечных – Эмилия прикинула, что ему лет двадцать шесть, – но его уверенность и выдержка снискали ему уважение в классе. Она и ее подруга Сэди невинно флиртовали с ним с тех пор, как в августе начались занятия в школе, и неплохо его изучили.

Он был хорош собой, немного напоминал профессора: острые скулы, привлекательные карие глаза, ярко выраженный кадык и аккуратный пробор в волосах, подчеркнутый каплей геля. Он одевался то солидно, то неформально, мог войти в класс с галстуком-бабочкой или в брюках цвета хаки, подшитых слишком высоко. Так или иначе, он умудрялся создавать стильный образ. Он был высоким, как баскетболисты в классе, и у него была одержимость велосипедом, которая поддерживала его в отличной форме и полным энергии. Эмилия видела его почти каждое утро крутящим педали по дороге Джорджа Вашингтона с курьерской сумкой через плечо.

Мистер Мэсси прошел дальше вдоль ряда, а Эмилия развернула листок. Она обнаружила оценку «А», написанную красными чернилами в правом углу, и ниже: *«Подойдите ко мне после занятий»*.

Когда остальные студенты разошлись, Эмилия расправила сарафан и просунула голову в его кабинет.

– Мистер Мэсси?

– Войдите, – ответил он, сидя за столом.

Его кабинет был маленьким, аккуратным и аскетичным. Треккинг-велосипед, прислоненный к левой стене, слегка прижал пластиковые жалюзи окна, на руле висел красный шлем.

Эмилия закрыла дверь и села в одно из кресел, расположенных напротив стола. Она почему-то всегда выбирала левое кресло. Последние несколько месяцев благодаря мистеру Мэсси девушка была влюблена в писательство и частенько бывала в этом кабинете. Фотография его жены в позолоченной рамке стояла на столешнице рядом с коллекцией литературных журналов. Эмилия никогда не общалась с его женой, но иногда приходила пообедать с ним за одним из столиков для пикника на лужайке перед домом.

Прилежно сложив руки на книжках, покоящихся у нее на коленях, Эмилия спросила:

– Вы хотели меня видеть?

Он сдержанно улыбнулся. Сделал паузу, словно обдумывая ответ, и произнес:

– Вы написали отличную статью.

– Спасибо.

– Вы писали так, будто рвались из цепей.

Она кивнула.

– Вы когда-нибудь говорили с кем-нибудь об этом? О ваших родителях?

Эмилия покачала головой, уже начиная сожалеть о том, что излила душу.

– Знаете, большинство поведали о том, что им не нравится их имя, или часть тела, или какая-то незначительная особенность. Вы рассказали мне нечто очень личное. И определенно заслужили свою пятерку. – Он почесал в затылке и продолжил: – Но я хочу поговорить не о творчестве. Вы прекрасно пишете; мне нравится, что вы не боитесь рисковать, нарушать правила. И вы определенно копнули глубоко. Но ваше состояние меня немного тревожит. Я могу чем-нибудь помочь?

– Не думаю, что кто-то способен помочь в этой ситуации. Разве только вернуться в прошлое, забрать гитару у моего отца и лишить мою маму красоты.

– Почему вы чувствуете себя связанной из-за этого? Будто обязательно должны добиться такого же статуса. Да, они знамениты. И я могу только представить, каково это – расти в такой среде, под прицелом взглядов и фотоаппаратов. Готов поспорить, что это может быть ужасно. У всех относительно тебя завышенные ожидания.

– Они говорят, что я выиграла в генетическую лотерею.

– Кто «они»?

– Все. Посмотрите на мою жизнь. Мой отец Джек Форестер. Даже если вы далеки от музыки, вы знаете это имя. И разумеется, моя мать должна быть супермоделью.

Она рассмеялась, понимая, как абсурдно звучат ее жалобы на то, за что любая другая девушка в мире убила бы. Но только не Эмилия.

Совсем не желая того, Эмилия получила в наследство волнистые, пышные, цвета корицы волосы своей матери, ее длинные ноги, ее стройное тело. Ей было наплевать, что у нее смуглое лицо, большие карие глаза, густые ресницы. Но то, как молодые люди и даже пожилые мужчины смотрят на нее – бесило. Вообще-то непохоже, будто она одевалась, чтобы привлекать взгляды, чтобы кто-то, оглядываясь на нее, натуральным образом сворачивал шею, шептался за спиной и свистел ей вслед. Почти весь год она ходила в сарафанах. Она даже не пользовалась косметикой!

Эмилия получила эти черты просто так и потому считала, что не заслуживает их и никогда не сможет гордиться ими или быть в них уверенной.

– Я родилась с самой настоящей серебряной ложкой во рту¹¹. Нет худшего проклятия. Я должна выглядеть, как моя мама, петь, как мой папа. Получать высшие баллы. Никогда не

¹¹ Английская идиома, означает родиться в богатой семье, с высоким социальным статусом.

опускать планку и не впадать в депрессию. И продолжать спасать мир. Моя жизнь – это одна большая неудачная попытка достичь высоты, которую установили мои родители.

– Бросьте, Эмилия. Вы потрясающая сама по себе.

– Откуда вам знать?

– Потому что я читаю ваши работы уже два месяца. Я знаю, как работает ваша голова. Вы великолепны. В глубине души вы хороший человек. Добрый человек.

– Я – фальшивка. Я – как дочь президента, растущая в Белом доме. Мне не позволено ошибаться. Мне нельзя быть ребенком. Я даже не могу быть просто человеком. Все ожидают, что я буду вести себя, словно идеальный взрослый.

Он кивнул.

– Я могу это понять. Это тяжелый крест, который нужно нести. Но вам не обязательно быть таким человеком. Вы не должны быть пойманы в ловушку своими родителями. Слава не является критерием ценности человека в жизни. Ни деньги, ни медали, ни награды. Вам не обязательно стремиться стать похожей на своих родителей. Все, что нужно сделать, это реализовать свой собственный потенциал. Например, став мамой. Или телерепортером. Или медсестрой. Или писателем. Или есть еще одно благороднейшее ремесло: вы могли бы стать учителем. – Она позволила себе улыбнуться, и он сказал: – Самое важное, что вы должны найти это счастье. Будьте той, кем вы должны быть.

– Вы не поняли. Я не знаю, кто я на самом деле. Мне ничего не принадлежит. Ничто из того, что я сделала, не принадлежит мне. Ничто из того, что есть во мне, действительно мое.

Она стиснула книги на коленях.

– Моя внешность – это моя мама. Мое пение и игра на гитаре – это мой папа. Все крутые впечатления, все путешествия, рестораны, люди, с которыми я встречалась, – это мои родители. Что же я? Потерянный ребенок трастового фонда. Такие люди, как я, попадают в телевизионные шоу о том, что пошло не так. – Она почувствовала подступающие слезы и поднесла руку к лицу. – Кто же я?

Мистер Мэсси встал со стула и обошел стол с ее стороны.

– Эй, эй, – позвал он, положив руку ей на плечо.

– Кто же я? – Она разразилась отрывистыми рыданиями, закрыв лицо руками.

Он обнял ее, шепча слова утешения, убеждая, что все будет хорошо.

Он опустился перед ней на колени, отвел ее руки от лица и произнес:

– Плакать – это нормально. Быть растерянным – тоже нормально.

Она на мгновение встретилась с ним взглядом и отвернулась. Он коснулся ее подбородка и приподнял лицо, заставляя посмотреть себе в глаза.

– Все, что мне нравится в тебе... не имеет никакого отношения к твоим родителям.

Эти слова так много значили для нее! И она чувствовала – он искренен. Он действительно понимал ее. Он прочел ее самые сокровенные мысли. Он знал, что она сломлена, что она нафантазировала альтер эго, эту девочку из Белого дома, эту вымышленную личность, которая даже не существовала в реальности. Тот внутренний ребенок мог себе позволить не выглядеть счастливым постоянно; на самом деле он часто терялся в темноте. И родители его не были совершенны. Порой о-очень далеки от идеала. Несмотря на отличные навыки скрывать сей факт, девочка внутри Эмилии оставалась все тем же растерянным и испуганным ребенком, который создавал разброд в мыслях, регулярно беспокоил, разжигая огонь неуверенности в себе Эмилии-настоящей. В каком-то смысле альтер эго было для нее действенным способом пережить проблемы взросления.

Теперь мистер Мэсси был единственным человеком на Земле, который знал, что происходит у нее в душе. И был готов принять это! Он действительно понимал Эмилию. Вот почему, когда он придвинулся, ища ее губы, она позволила этому случиться.

От поцелуя по ее телу пробежала дрожь, книги соскользнули на пол, она почувствовала, как ее накрывает волной сексуального возбуждения. Ничего похожего она никогда раньше не испытывала. Долгое время она боялась, что вовсе не познает подобных ощущений, известных ей только по рассказам маминой помощницы Эбби.

Ее охватило страстное желание сорвать с учителя одежду. Она была готова отдать ему свою девственность прямо здесь и сейчас. Он коснулся ее живота и скользнул рукой вверх к груди, и она почувствовала между ног оргазмические спазмы. Однако ощущения были слишком сильными, и она оттолкнула его. Ей не нравилось, что она теряет контроль над собой.

Она облизнула губы и снова поцеловала его, без слов давая понять, что хочет большего, но не может.

– Мне пора, – проговорила она. Ей нужно было уйти и попытаться наедине с собой разобраться во всем этом.

– Ты мне очень нравишься, – откликнулся он.

Она кивнула.

– Может, встретимся еще?

– Думаю, да.

– Могу я узнать твой номер телефона?

Она нацарапала на клочке бумаги номер своего мобильного, собрала с пола книги и выбежала из кабинета.

4

Женщина-загадка

Брукс Бейкер встал из-за стола и подошел к огромному окну, через которое был виден винный погреб мирового уровня. В нем работники брали пробы из бочек и резервуаров, перемещали бутылки с вином, убирались. Обычный день на винодельне во время сбора урожая.

Посреди всего этого действия он увидел ее.

Эбби Синклер.

Эта женщина неземной красоты и величия казалась миражом, и в своем воображении он возносил ее в облака, делая практически неприкосновенной. Произносить умные слова и острить в ее присутствии было все равно что выковыривать гвозди из свежего дерева гвоздодером. Какая жалость, что у него не было шанса! Конечно, у Брукса был высокий статус главного винодела на предприятии Джейка Форестера «Лакода», и он считался симпатичным «плохим мальчиком», но у него не хватало мужества для попытки перевести отношения с Эбби из профессиональных в романтические.

Как он мог набраться смелости и пригласить на свидание Эбби Синклер? Им обоим было за тридцать. Она никогда не бывала замужем и у нее не было детей. Что, если она так же одинока, как и он? Или – большое жирное ИЛИ – вовсе не одинока? Неужели ей достаточно быть помощницей Кармен Форестер? Его нежелание пригласить ее на свидание было вызвано одной-единственной причиной – страхом получить отказ. Брукс беспокоился, что это разбередит все его старые раны и напомнит, кем он был раньше.

Эбби, должно быть, почувствовала его любопытный взгляд и посмотрела на окно. На ней была серая шляпа водителя грузовика с логотипом «Лакода», ее каштановые волосы были собраны сзади в конский хвост. Она слегка улыбнулась и помахала рукой. Он поприветствовал девушку в ответ, изо всех сил стараясь удержать ее взгляд. Эти теплые глаза цвета влажного песка впились в него, пугая своей уверенностью, накаляя нервы, обнажая его несовершенства. *«Не дай ей понять, что я чувствую сейчас, – сказал он себе. – Не позволяй увидеть бабочек в моем животе, учащенное сердцебиение, желание в моих глазах, то, что она заставляет меня чувствовать. Не дай ей увидеть, как остро я в ней нуждаюсь».*

Брукс непроизвольно подмигнул. И тут же смущенно отвернулся и поспешил обратно к своему столу, надеясь, что она не обратила внимание на его способность создавать неловкие ситуации. Откуда такая неуверенность? Он не был таким ни с кем другим. Только с ней. *«О, Эбби Синклер, что ты со мной делаешь. Что ты со мной делаешь, женщина!»*

Его прошлое питало эту неуверенность. В то время как другие усердно трудились в средней школе, чтобы поступить в хороший колледж, а затем не менее усердно трудились в колледже, чтобы получить хорошую работу, Брукс сбежал из приемной семьи, нарушал законы, бродяжничал, прыгал из поезда в поезд в прямом и переносном смысле. О той прошлой жизни, кроме абсурдной неуверенности в себе и страха каким-то образом проснуться в прошлом, теперь напоминали только татуировки, покрывающие руки, и стопки стоматологических счетов.

Он отогнал эти нездоровые мысли и вернулся к просмотру рабочих заказов, удостоверяясь, что позаботился о каждом сосуде с вином. Некоторые резервуары нуждались в перфорации; это означало, что всплывшую на поверхность виноградную кожуру нужно было пробиловать обратно в сок, чтобы обеспечить надлежащее извлечение цвета и аромата. Другие емкости нуждались в изменении температуры. К счастью, все вина, которые он пробовал до сих пор, были очень даже многообещающими.

Раздался стук в дверь, и она оказалась на пороге.

– О! Эбби, – промямлил он непослушными губами, – рад тебя видеть!

Она вошла в кабинет, хотя для Брукса это больше походило на явление богини или ангела, парящего на ковре-самолете. Она не смогла бы скрыть, насколько соблазнительна, даже если бы очень старалась. Брукс узнал ее поближе во время долгих обедов и ужинов на вилле и в доме их боссов, расположенном недалеко. Она была из тех женщин, которые никогда не эксплуатируют свою красоту.

Эбби никогда не пыталась соперничать или тем более превзойти свою работодательницу Кармен Форестер – бывшую супермодель, которой сейчас было около пятидесяти, но она все еще носила костюмы Изабель Марант, Марни и Проэнцы Шулер. Имена этих дизайнеров стали привычными даже для Брукса. Он знал, что для размещения одежды Кармен понадобилось аж три гардеробные. Не то чтобы Кармен одевалась слишком по-молодежному для своего возраста, совсем нет, но к выбору нарядов она подходила очень тщательно, и эта ее любовь к крутым шмоткам была слишком даже очевидна.

Хотя Эбби унаследовала от Кармен массу одежды, она предпочитала носить менее броские вещи: джинсы и футболки, длинные платья и свитера, более консервативные юбки и блузки, как будто она не хотела, чтобы люди смотрели на нее так, как это делает Брукс. Возможно, скромность Эбби была одной из многих причин, по которым Кармен наняла ее в качестве своей личной помощницы. Стареющей супермодели, вероятно, нравилось то, что Эбби, будучи красивой, не испытывала желания конкурировать с ней и не пыталась превзойти ее в чем бы то ни было. С другой стороны, Брукса не покидало ощущение, что Эбби скрывает свою дикую сторону, которую еще никто на Красной Горе не видел.

В глазах Брукса Эбби была гораздо привлекательнее хозяйки. Лицо Кармен казалось ему резким и почти надменным, тогда как у Эбби оно было теплым, безобидным, с добродушной, а порой и сексуальной улыбкой. Кармен – слишком худая и почти устрашающе высокая, а Эбби – среднего роста, с плавными изгибами фигуры. В каштановых волосах Эбби мелькали светлые пряди, и Брукс считал, что мелирование – это единственное, что она делает, чтобы улучшить свой имидж. Вот что ему в ней нравилось. Она не пыталась в себе что-то менять, а просто была такой, какая есть.

Ее черепаховые очки были еще одним доказательством того, что она сознательно старалась не использовать свою внешность, чтобы преуспеть в жизни. Возможно, она была немного не уверена в себе и изо всех сил старалась скрыть свою красоту, и это тоже казалось Бруксу нормальным. Ему это даже импонировало. Ему нравилось, как работает ее голова. В каждом их разговоре он ловил себя на том, что упорно старается не казаться влюбленным и с трудом это выдерживает. Она была прекрасным собеседником, а Брукс работал над собой в этом направлении, совершенствуя себя. Ее мастерство в искусстве вести беседу – вот что по-настоящему волновало его. Конечно, когда она врывалась в комнату, он столбенел от одного ее взгляда, но именно ее ум пробуждал его желание находиться с ней рядом снова и снова. Когда эти двое начинали говорить, их нужно было прерывать насильственным образом, чтобы они наконец замолчали.

Брукс, однако, беспокоился, что она умеет быть такой со всеми. Она может быть одной из тех женщин, которые заставляют каждого, с кем они говорят, чувствовать интерес к себе.

Наряду с теплотой и скромностью в Эбби было нечто от «плохой девочки», привлекающее парня-мотоциклиста, живущего в Бруксе. На вечеринках именно она была инициатором первого, а иногда и второго раунда стопок «Хосе Куэрво»¹², и часто единственная оставалась на ногах, когда гас свет. Она смеялась громче всех – нет, она ржала – над пошленькими остроумиями, и обычно у нее самой в арсенале отыскивалось несколько грубых шуток. Утром, днем или ночью Эбби с радостью участвовала в дискуссиях, особенно затрагивающих церковь или

¹² Мексиканская текила.

государство; и она закопала бы вас, посмей вы оскорбить женщин. Порой она употребляла крепкое словцо, делая это в нужный момент и так уверенно, что эффект был потрясающий. Брукс очень хотел узнать ее поближе: ее прошлое, скелеты в шкафу.

– Как сегодня дела? – спросил Брукс.

– Потихоньку. – Она указала на его кресло за столом. – Сядь, пожалуйста. – Он сел, и она продолжила: – Я решила зайти поздороваться. Похоже, все заняты.

– Да, как обычно в это время года, – кивнул он.

Она улыбнулась. Возникла неловкая пауза. Брукс вспомнил, что ему гораздо легче с ней разговаривать после бокала вина.

– Кармен послала меня наверх захватить несколько бутылок для сегодняшнего ужина.

Есть какие-нибудь идеи?

– У них что, гости?

– Несколько друзей из Сиэтла. Разве Джейк тебя не приглашал?

– Впервые слышу об этом.

– Почему бы тебе не пойти? Я думаю, что мы соберемся в семь. Я буду коптить лосося.

– Ты? Коптить лосося?!

– Почему нет?

– Знаю, что ты отличный повар! Но ничего себе!

– О, я и забыла, что это мужская работа? Как же: «женщины должны сидеть на кухне»

и «с грилем должен управляться мужчина».

– Я ничего подобного не говорил.

Эбби улыбнулась.

– Шучу! А если серьезно, почему бы тебе не прийти?

– Уверен, если бы Джейк хотел меня там видеть, он пригласил бы меня.

– Я хочу тебя там видеть. То есть... мне же нужен кто-то, с кем можно поговорить. Ты же знаешь, как долго длятся эти обеды.

Брукс удивленно поднял брови.

– Да, знаю.

– Эй, я видела, как ты подмигивал мне минуту назад.

Застигнутый врасплох, Брукс выпрямился в кресле и закрыл глаза рукой.

– Я надеялся, ты не видишь...

– А я увидела.

– Я этого не хотел. На самом деле я не имел в виду ничего плохого. Со мной это иногда случается, произвольно.

– Брукс, – сказала Эбби.

– Серьезно, не обращай внимание.

– Брукс! – повторила она.

Он перестал оправдываться и взглянул на нее.

– Я просто дразню тебя.

Он глубоко вздохнул, они помолчали. Потом девушка улыбнулась, и он тоже не смог удержаться от улыбки.

– Сегодня я чувствую себя слабо защищенным, это очевидно.

– Созрел для пикника, это точно. А теперь расслабься и скажи, что спустишься к обеду.

Если я буду ждать, пока ты пригласишь меня на свидание, мы далеко не уедем.

Эбби склонила голову набок и пристально посмотрела на него. Он молча встретил ее взгляд, и оба расхохотались.

– Это так заметно? – спросил Брукс.

– Заметно что?

– Ты знаешь.

– Скажи мне. Хочу услышать, как ты это говоришь.

Он сдался, слегка поник и спросил:

– Заметно, что я хочу с тобой встретиться?

Она соединила большой палец с указательным:

– Совсем немного.

– Что ж, это правда. Я давно хотел пригласить тебя на свидание.

– И почему не пригласил?

Он поднял руки вверх, признавая поражение.

– Даже не знаю, что сказать.

– А я знаю. Ты боишься отказа.

Брукс вытаращился на нее. Что за женщина?

– Все мужчины одинаковы. Не беспокойся. Я не отвергну тебя. Может быть, я не пойду на второе свидание, но по крайней мере дам тебе шанс. Только не испортить все. Я очень разборчива.

– Бьюсь об заклад, – Брукс почувствовал себя комфортно и заговорил уверенно, – если я приглашу тебя на свидание, дорогая, ты захочешь его повторить.

– Вот! Теперь это Брукс, которого я знаю!

Он просиял.

– А сейчас исчезни, пока я не потерял голову.

– Ха. Туше. Увидимся в шесть. Ты сможешь помочь мне с готовкой.

– Я буду там в шесть-пятнадцать, чтобы ты знала, что не можешь мной управлять. И я принесу несколько бутылок.

Эбби послала ему воздушный поцелуй.

– До свиданья!

Брукс не ответил. Он не хотел нарушать ритм. Он махнул ей и, улыбаясь, смотрел вслед. Когда она ушла, он торжествующе вздернул кулак. Наконец у него появился шанс.

5

Выжившие

Отис уже сворачивал с подъездной дорожки, когда появилась теть Морган. Стайка кур купалась в пыли у поленницы, наслаждаясь прекрасной солнечной погодой. У крыльца, задрвав лапы, развалился Джонатан, 120-фунтовый пиреней – Большой Белый Зверь, как часто называл его Отис. Когда внедорожник Морган проехал по гравиевой дорожке, пес вскочил и побежал к незваному гостю; его свирепый лай распугал кур. На улице было плюс двадцать четыре, в небе – всего несколько белых пятнышек, а ночью температура падала до четырех градусов. Метеорологический канал обещал еще две такие же недели, к радости жителей Красной Горы.

– Господи, – прошептал Отис, крестясь и глядя, как она паркуется рядом с его автомобилем. – Ты, должно быть, шутишь надо мной. И я говорю от всего моего любящего сердца: пожалуйста, немедленно убери ее отсюда.

Морган вышла из своего автомобиля, разодетая в пух и прах, вся увешанная драгоценностями. Ее седые волосы немного поредели с тех пор, как они виделись в последний раз, но лицо все еще хранило остатки былой красоты: большие ярко-голубые глаза и довольную жизнью лучезарную улыбку. И он знал, прежде чем она заговорила, что тетка все еще остра на язычок. Почти семидесятилетняя Морган совершила восьмичасовую поездку совсем одна. Кто бы отважился на такое в ее возрасте? Отис подумал, что она действительно нашла источник вечной молодости, где-то за пределами Бозмена¹³. На самом деле Морган выглядела ненамного старше племянника, скорее наоборот. Морщин у него было определенно больше. При этом Марго не была сторонницей ботокса, пластической хирургии или даже сильного макияжа. Она просто стремилась оставаться молодой.

– Мой драгоценный Отис! Я так рада тебя видеть, дорогой. – Они обнялись. Тетя была на несколько дюймов ниже, очень тоненькая, и просто утонула в его больших руках.

– Морган, как здорово, что ты приехала!

– Я чувствовала, что тебе необходимо общение. Забери, пожалуйста, багаж и покажи мою комнату. Я уверена, что ты навел для меня блеск. Спереди в машине маленькая сумка и еще две сзади. Не забудь краски и кисти. И мольберт.

Отис распахнул заднюю дверцу и увидел огромные, трещащие по швам сумки, рядом лежали художественные принадлежности. Он удивился, как она вообще смогла их застегнуть.

– Ничего себе! Похоже, ты собралась в длительное путешествие. Куда еще отправишься?

– После тебя сразу вернусь домой. Джонни присматривает за моими кошками, и я не могу доверить ему их слишком надолго. Предупредила его, что уеду на две-три недели, не больше.

Отис был близок к обмороку. «Три недели!» Однако смог подавить свое отчаяние.

– Это прекрасно!

– Тетя Морган чувствует, когда кто-то из ее родных нуждается в любви, – сказала она. – Я никогда не забуду, как твоя семья вернулась из Лондона, чтобы помочь Джиму, когда он болел. Теперь моя очередь позаботиться о тебе.

Пока она рассказывала о жизни на ферме в Бозмене, Отис показал ей изменения в доме и провел в комнату. Она навещала его каждые два года, так что дом был ей знаком. Он оставил ее умываться и пошел на кухню готовить ужин. На стойке мариновался бифштекс: в травах и диком чесноке. Для начала вечера мужчина выбрал вино одного из ранних сортов – «Шенен блан». Откупорил пробку и сделал глоток. На вкус оно было таким же тусклым, как все, что он пробовал в последнее время, но он старался не поддаваться эмоциям и не отчаиваться.

¹³ Бозмен (англ. Bozeman) – город, расположенный в округе Галлатин, штат Монтана, США.

Морган присоединилась к нему чуть позже. Отис как раз наливал густые сливки в кастрюлю с картофельным пюре.

– Выглядит чудесно! – воскликнула она. – Я всегда любила твою стряпню!

– Тебе нравится бифштекс?

– Я дала тебе твой первый кусок бифштекса, сынок. Ты разговариваешь с одной из первых девушек-скотоводов Монтаны. Где мой стакан?

Отис уже направлялся к холодильнику. *«Придержи коней»*. Но молча наполнил стакан и протянул ей. Он и забыл, как ему нравился ее вздорный характер.

– Сейчас, – начала она, причмокивая, – я должна сказать тебе кое-что, что может стать сюрпризом. На самом деле ты можешь рассердиться, но мне все равно. В своем возрасте я могу делать все, что захочу.

Он бросил в картофель огромный кусок масла. *«Не могу дождаться этого момента»*. С этой женщиной все было возможно.

– Я пригласила кое-кого на ужин.

– Думаю, это нормально. Не знал, что у тебя здесь есть знакомые.

По правде говоря, Отиса эта новость несколько не обрадовала, но он понимал, что должен быть гибким, если хочет пережить ее присутствие.

– Это женщина, которую я встретила по пути сюда в продуктовом магазине в Западном Ричленде. Я остановилась, чтобы купить кое-что необходимое, и мы разговорились. Оказалось, она живет недалеко, и я подумала, что было бы неплохо предложить ей поужинать. Очень приятная женщина.

– Морган!

– Что?

– Скажи, что ты шутишь.

– Разве я похожа на шутницу? Ее зовут Джоан. Забыла фамилию. Она действительно куколка. И сногшибательная.

– Морган, ты приехала меньше часа назад, но уже создаешь проблемы. Я не позволю сводить меня с каждой женщиной, которую ты встретишь по пути.

– О, я бы не стала этого делать. Только с теми, кого я считаю подходящими для своего племянника.

Отис открыл было рот, но она опередила его.

– Отис Пеннингтон Тилл, сегодня вечером ты будешь развлекать моего нового друга, и конец. Я старая леди, у которой осталось очень мало времени, и это мой каприз. Ты не посмеешь отнять это у меня. Тебе не обязательно встречаться с этой женщиной, но ты должен провести с ней вечер. – Она повысила голос. – Никогда не знаешь, как все обернется. Она не замужем.

– Морган, я совершенно счастлив сам по себе. Мне это не нужно.

– О, чепуха. Ты один. Каждая морщинка на твоём лице показывает, как отчаянно ты хочешь любви. У тебя не было секса со времен Ледникового периода. Если ты хочешь, чтобы я осталась до конца года, я могу это сделать и скажу тебе прямо сейчас: я не уеду, пока мы не найдем тебе новую девушку.

– Девушку? Мне шестьдесят четыре! Мои свидания в прошлом.

– Ерунда какая! Я ходила на свидание всего два дня назад. Он был на двадцать лет моложе меня. Мы трижды занимались любовью вечером и один раз на следующее утро! Не смей говорить, что ты слишком стар! Сейчас же перестань ныть и смирись с тем, что сегодня к нам на ужин едет гостья. Подними свой бокал и давай выпьем за встречу.

Отис молчал, пытаясь совладать с закипающим гневом. Пауза длилась достаточно долго, чтобы огнедышащий дракон внутри, отчаянно рвавшийся наружу, успокоился. Если Морган собирается провести две недели именно так, то он, пожалуй, может и не выжить. Какая же

бестактная особа! Она пристально смотрела на него, пока он приходил в себя. Однако Отис знал, что борьба с ней только ухудшит ситуацию.

Он тщательно подбирает слова.

– Все хорошо. Но я был бы очень признателен, если бы ты не стала повторять это снова, пока находишься здесь. По крайней мере не спросив меня. Знаю, что ты хочешь, чтобы я снова женился, но мне это неинтересно. Дело не в том, что я не могу отпустить Ребекку. Дело в том, что я стар и занят, и больше не думаю о любви. У меня есть мои животные. Мои виноградники. У меня есть вино. У меня и так слишком много всего происходит.

– У тебя есть твои животные?! – переспросила она. – Ты ведь не будешь заниматься *этим* с овцами, правда?

– Не говори глупостей!

Она положила руку ему на плечо.

– Обещаю, больше никаких сюрпризов. Сегодня будет весело. Я знаю, как их выбирать.

– Она на двадцать лет младше?

– Нет, как раз твоего возраста.

* * *

Гостя к ужину прибыла в семь вечера. Отис и Морган сидели в креслах на заднем дворе, любуясь заходящим над виноградником каберне совиньон солнцем. Они обсуждали проблемы старости – плохие колени, плохие суставы, плохие врачи, много лекарств, предстоящие операции, – когда Джонатан залаял. Отис вышел на подъездную дорожку, готовый извиниться за свою сумасшедшую тетьку.

Джоан появилась из электромобиля и ошеломила Отиса своей красотой. У нее были короткие серебристые волосы, светло-каштановые брови, оливково-зеленые глаза и округлые скулы, словно она всю жизнь улыбалась. Маленькие бриллианты мерцали в ее ушах. У нее была правильная осанка и великолепная фигура, но больше всего поражало ощущение чего-то, скрытого глубоко внутри. И Отис почувствовал себя очень уютно в ее присутствии. Еще не было сказано и слова, однако казалось, что она его старый друг. Когда их взгляды встретились, он, не будучи с ней знакомым, чуть не сказал: «Я знаю вас».

– Вы, должно быть, Отис? – Ее голос был теплым, как музыка Моцарта, как ирландский кофе.

– Он самый. – Он подошел и пожал ей руку.

У женщины были нежные пальцы и очень мягкий взгляд. Они довольно долго смотрели друг на друга.

– Я Джоан Тоби. Прежде чем мы еще что-нибудь скажем, могу я извиниться? Представляю, как вы были шокированы тем, что ваша тетя пригласила кого-то на ужин. И давайте будем честны: похоже, она пытается нас свести.

Отис почувствовал, что краснеет.

– Она взяла мою тележку с продуктами в заложники и не возвращала, пока я не согласилась.

– Я единственный, кто должен просить прощения. Морган – замечательная женщина, но она любит вмешиваться в чужие дела.

– Она очаровательна. Я надеюсь, все нормально?

– Более чем. Рад, что вы здесь. Пожалуйста, входите.

В доме Морган поприветствовала Джоан, и женщины тут же принялись обсуждать, какой прекрасный у Отиса дом и все вокруг. Разумеется, не хватало женской руки, но они, конечно же, готовы были помочь в этом вопросе. Отис принес Джоан бокал вина и отметил, что Морган

засияла от радости, когда он пригласил обеих дам сесть в кресла, обращенные на запад, чтобы понаблюдать, как солнце прячется за горизонт.

– Я так довольна, что ты здесь, – проговорила Морган. – Выглядишь блестяще!

– С вашей стороны было очень мило заставить меня приехать. Сейчас я нервничаю гораздо меньше, чем несколько минут назад.

– Тебе не из-за чего волноваться, – поспешила успокоить Морган. – Мы любим компанию. В конце концов, что такое жизнь без человеческого общения?

– Это правда.

Отис решил пропустить мимо ушей всю эту болтовню, которая могли завести на очень опасную территорию.

– Итак, Джоан... кто вы? Откуда взялись? Если мы позволим Морган вести разговор, мы с вами будем бесконечно смущаться.

– Вздор, – откликнулась тетка.

Джоан опустила бокал на маленький столик рядом и, положив руки на колени, откинулась на спинку стула.

– Полагаю, американский ответ на вопрос, кто я такая, будет заключаться в рассказе, чем я зарабатываю на жизнь. Я в некотором роде лайф-коуч. Садовод. Иногда учитель йоги. В остальное время пенсионерка.

Отиса восхитила ее манера держаться. В ней было что-то особенное: спокойная уверенность, смешанная со скромностью, неотразимое самообладание, магнетизм, который непреодолимо тянул к ней, из-за которого хотелось сесть поближе к ней.

– Что именно делает лайф-коуч? – спросил Отис, заметив хитрую улыбку Морган: тетя наслаждалась его интересом к Джоан.

– У меня клиенты по всей стране. Порой они приезжают ко мне сами, в некоторых случаях я езжу к ним. Я помогаю решать проблемы. Если хотите, помогаю им переокрасить реальность. Это долгая и сложная тема, но думаю, суть ее в том, что я помогаю людям реализовать свой потенциал. Уччу, как полюбить снова. Уччу, как полюбить себя. Как заботиться о себе, о своем теле, как питаться, как обрести свободу. – Она говорила экспрессивно, ее оливковые глаза горели. – Уччу их текущему моменту.

– Что ж, ты встретила очень сложную проблему, – драматично произнесла Морган, указывая на племянника, двигая палец вверх-вниз, вверх-вниз. – Раз уж ты и впрямь по этой части.

– Да ладно тебе, – покраснев, проговорил Отис. – Едва ли можно сказать, что я лежу на диване, посасывая большой палец. – Он покачал головой и посмотрел на Джоан. – Тетя обладает сверхъестественной способностью заставить шестидесятичетырехлетнего человека снова почувствовать себя десятилетним.

– Какая замечательная способность, – сказала Джоан, улыбаясь и подмигивая Морган.

Морган улыбнулась в ответ.

– Видишь, маленький наглец? Я знаю, о чем говорю.

Он вскинул руку.

– Все, забудь!

– Вы двое такие милые, – улыбнулась Джоан.

– Она заставляет меня пить.

– Все, что угодно, заставляет тебя пить, – парировала Морган.

Отис скрестил руки на груди.

– Вернемся к Джоан. Она рассказывает куда более интересные вещи.

– Согласна, – ответила тетя. – Когда мы сможем пригласить Отиса к тебе на йогу? Мне бы очень хотелось на это посмотреть.

– Вы будете удивлены, насколько я гибок, – усмехнулся Отис.

Морган громко рассмеялась.

– Держу пари, что ты не смог бы дотронуться до пальцев ног, даже если бы твои руки были на фут длиннее.

Отис покачал головой, понимая, что чем больше он подпитывает ее пламя, тем выше оно становится. По крайней мере, Джоан выглядела довольной собой. Он не сводил глаз с ее бокала. Она пила не слишком быстро, что заставило его и самого притормозить.

– Итак, Джоан...

– Да?

– Спроси ее, замужем ли она, – встряла Морган.

– О боже! – простонал Отис. – Не могла бы ты вести себя прилично хотя бы пять минут? Морган захихикала и наконец кивнула.

– Была замужем, когда-то... – начала Джоан. – Очень давно. Я выросла в Сиэтле, училась в Вашингтонском университете, где и познакомилась с будущим мужем. Мы поженились сразу после окончания. Он устроился на работу в PNNL – знаете, наверное, Pacific Northwest National Laboratory¹⁴.

Отис хорошо знал то место, которое они называли между собой просто «Лабораторией». Кампус PNNL находился всего в двадцати минутах езды от Красной горы. Помимо многих эпических достижений PNNL была создателем технологии производства компакт-дисков в 60-е годы.

– Муж работал там до конца жизни, он умер десять лет назад, – продолжала Джоан. – Мы были женаты тридцать четыре года. Сейчас я обитаю в Ричленде, мой дом находится подле реки, и у меня чудесная жизнь. Это что касается меня. А как насчет вас двоих?

Джоан перевела взгляд с Морган на Отиса.

– О, я всего лишь старая отставная Монтанская ковбойша, – ответила тетя. – Я выросла на ранчо и большую часть времени проводила с мужем, воспитывая сына и дочь. Я пережил их всех. Теперь управляю нашим хозяйством. Это занимает почти все мое время.

Джоан покачала головой.

– С нетерпением жду подробного рассказа о вашем ранчо. – Она посмотрела на Отиса. – А кто вы?

– Я винодел.

– Это ваше? – Джоан подняла свой бокал. – Действительно великолепное вино. Какой талант!

Они поужинали и выпили вина, как старые друзья, и, когда Отис поздним вечером прощался с Джоан, он поинтересовался, можно ли будет с ней увидеться еще раз. Он сам не поверил, что сказал это вслух. Гостья записала свой номер, и он чмокнул ее в щеку. Что-то шевельнулось в глубине его сердца, чувство, которого он не знал с тех пор, как встретил Ребекку много лет назад.

Когда Джоан отъехала, Морган победно произнесла:

– Я же сказала, что умею их выбирать!

– Я этого и не отрицаю, – ответил Отис, внезапно почувствовав болезненный укол от ощущения вины и мысли, что он предает Ребекку.

– Сынок, некоторым вещам суждено быть.

Отис скрестил руки на груди и опустил голову.

– Если бы только все не начиналось, чтобы закончиться...

Морган коснулась его руки.

– Ты не должен думать о плохом.

– Это все, что я когда-либо знал. Моя жизнь – это одна большая черная кошка, бегущая передо мной.

¹⁴ Тихоокеанская Северо-западная Национальная лаборатория.

6

Уникальный мальчик

Эмилия ехала домой после школы, взбудораженная переполнявшими ее эмоциями. Ей так хотелось остаться тогда с мистером Мэсси, поделиться с ним, довериться ему, выгащить все свои секреты и хоть раз насладиться разоблачением. Но учитель, вероятно, вернулся домой со своей великолепной женой, целуя ее и прикасаясь к ней так же, как он делал это с Эмилией несколько часов назад.

Она свернула на главную улицу Красной Горы – Сансет-роуд. Заходящее солнце разбрызгало золотистые лучики света на лоскутное одеяло виноградников, где созревающие ягоды имели каждые свой оттенок: зеленый, оранжевый, пурпурный и желтый. Переезд в Красную гору был величайшим культурным шоком для Эмили, но сегодня – особенно сегодня, когда Джо Мэсси подействовал как дефибрилятор, возвращая ее сердце к жизни, – это место показалось ей одним из красивейших на земле.

Она ускорила и обогнала трактор «Джон Дир»¹⁵. Они с водителем помахали друг другу и улыбнулись; интересно, видит ли он, как ей хорошо? Чуть дальше по дороге лошадь тащила повозку, в которой сидела группа счастливых туристов с бокалами, словно они поднимали тост за нового возлюбленного Эмили.

Она свернула налево, на пыльную дорогу, идущую под уклон на протяжении четырех миль, к дому и семейной винодельне «Лакода», расположенной глубоко под землей. Камень цвета пустыни делал ее почти незаметной. Во время строительства отец был полностью поглощен идеей «чем-меньше-следов-тем-лучше». «Не хочу, чтобы знали о том, что мы здесь», – говорил он. *«Хорошая попытка, папа. Не на этой планете».*

Отец потратил два года на изучение архитектурного проекта и выбор материалов, прежде чем дал зеленый свет. Он решил воспользоваться прохладной подземной температурой и построил современную гравитационную винодельню. Эмилия слышала миллион раз, что такая многоуровневая постройка позволяет производителям отделять ягоды от стеблей и давить их на первом уровне, сбрасывать сок через рукава в полу на следующий уровень, где происходит брожение, и затем на третий – в сосуды для выдержки. Все это происходило за счет гравитации, без участия насосов.

Еще полмили мимо винодельни – и Эмилия добралась до дома, спроектированного тем же архитектором и построенного в то же время, что и «Лакода». Он был окружен гигантским каменным забором – неизбежные издержки жизни знаменитостей.

В 2004 году мужчина, сидевший сейчас в тюрьме, ворвался в их дом в Сиэтле и напал на маму. К счастью, отец был там и сумел усмирить злоумышленника, сломав ему при этом руку и нос. Что незамедлительно сказалось на продаже пластинок. После инцидента несколько лет занимались телохранители, но по мере того, как участники группы старели, их популярность на мировой арене падала, поэтому родители решили, что жизнь стала намного безопаснее.

Эмилия нажала кнопку на пульте от металлических ворот, и они распахнулись. Мать поспешила к машине, явно обеспокоенная. Эмилия любила свою маму, и вместе с тем кое-что в ней вызывало у дочери насмешку. Кармен Форестер сделала себе имя и жила за счет внешности девушки с обложки, и этот облик управлял ею. Это сводило Эмилию с ума. Даже в свои пятьдесят лет женщина была серьезно озабочена морщинами, дряблостью, макияжем, одеждой, бла-бла-бла, как будто возраст поглощал ее личность по одному седому волосу за раз.

¹⁵ Крупнейший производитель сельскохозяйственной техники в США. Назван в честь основателя – Джона Дира.

– Мы не можем найти твоего брата, – сказала Кармен, вытирая слезы. Макияж, с которым, как считала Эмилия, мать часто перебарщивала, размазался по ее лицу.

– Как давно он ушел?

Кармен вздохнула.

– Мы думали, он наверху, в своей комнате. Наверное, около часа.

– Где папа?

– Уехал на квадроцикле.

– А Эбби? – спросила Эмилия, имея в виду женщину, которая проводила большую часть своего времени с ее братом Лукой. А если откровенно, просто вырастила его. И еще она научила Эмилию разбираться в мужчинах и сексе. Очень хотелось рассказать Эбби о Джо Мэсси, поскольку эта грязная тайна могла взорвать Эмилии мозг.

– Эбби сейчас на пути домой.

– Ты звонила в полицию?

– Еще нет. Пока я привлекла к поискам всех работников винодельни.

Эмилия знала, почему они до сих пор не вызвали копов. Журналистские стервятники обожали что-нибудь выкладывать о Форестерах, а ее родители делали все возможное, чтобы уберечь своих детей от прессы.

– Мы найдем его, мама. Все нормально. Я сбегая наверх и обыщу его комнату. Это может быть связано с одним из его последних проектов.

Кармен кивнула.

– Ладно. А я пока возьму машину и проеду еще раз по Сансет.

– Бери мою. – Эмилия вышла, не заглушив мотор, обняла мать и повторила: – Мы найдем его. Не беспокойся.

– Я велела Джейку не спускать с него глаз. Но твой отец иногда так увлекается своей чертовой музыкой! Весь мир может взорваться, и он будет последним, кто узнает об этом.

– Мама, в этом нет ничьей вины. Мы найдем его.

Луке было восемь, он был слишком мал, чтобы жить самостоятельно, и порой с ним было нелегко. Он был особенным ребенком: во многом думал и поступал как взрослый, странно для восьмилетки. Он мог сидеть за обеденным столом и слушать разговоры взрослых в течение часа или двух, вмешиваясь только тогда, когда считал нужным. Он оперировал понятиями, намного превосходящими способности среднестатистического восьмилетнего ребенка, и очень редко капризничал – во всяком случае, намеренно.

Временами его воображение так разыгрывалось, что он терял связь с реальностью. Эмилия понимала и любила это в нем, как и родители, но порой из-за своих фантазий он попадал в беду. Скорее всего Лука отправился в погоню за одним из своих воображаемых друзей, которых у него было семеро.

Эмилия влетела к нему в комнату. Потолок детской представлял собой светящееся звездное небо. Две односпальные кровати были застелены голубыми одеялами с самолетами. Сундук, набитый игрушками. Еще больше игрушек на полу, ждущих, что кто-то о них споткнется. Она направилась к столу и взяла стопку рисунков, которые брат спрятал, когда она в последний раз входила сюда.

Девушка села на пол и принялась рыться в этих листочках. На большинстве иллюстраций были изображены машины и роботы, хорошие работы для маленького мальчика. Один из рисунков привлек внимание Эмилии – сетчатый забор, окружающий ряд радиовышек. Очень похоже на вышки на вершине Красной Горы. Не раздумывая, она сбежала вниз по лестнице, безуспешно пытаясь дозвониться до отца.

Она поспешила в гараж, нажала кнопку, открывающую раздвижную дверь, и забралась на квадроцикл, на котором в прошлом каталась по многу часов. Завела мотор, вырулила на

подъездную дорожку и свернула к виноградникам. Со скоростью свыше тридцати миль в час¹⁶, подпрыгивая на ухабах, она с ревом пронеслась мимо «Лакоды».

Ей пришлось замедлиться, когда начался подъем к вершине Красной Горы, которая условно была не самой высокой горой в мире, но, разумеется, опасной для восьмилетнего ребенка частью местного рельефа. Она увидела его в двух милях от дома, поднимающегося по крутому склону с палкой и рюкзаком.

– Лука! – закричала она, ускорила и быстро догнала его. Брат не пытался сбежать. С ним всегда так и было. Он не хотел создавать проблемы или ослушаться. Он просто был безрассудный мальчишка. Эмилия остановилась и выключила квадроцикл.

– Что ты здесь делаешь?

– Привет, сестренка, – беззаботно сказал он.

Лука был больше похож на отца: большая голова, темные волосы, глубокий взгляд.

– Я придумал новый способ связаться с жителями Луны, но подумал, что будет лучше подойти ближе к антеннам. Они помогут со скоростью передачи данных.

– Это звучит блестяще, Лука, но ты знаешь, что мы ищем тебя? Ты до смерти напугал маму и папу. Ты помнишь, что не должен уходить слишком далеко от дома?

– Да, но эта миссия жизненно важна для будущего человечества. Я собирался сразу же вернуться.

Когда вся эта ситуация немного улеглась, Эмилия мысленно вернулась в кабинет мистера Мэсси, к их поцелую. Она никогда так не целовалась и не испытывала ничего подобного. Ее бросало в дрожь при одной мысли о его нежных прикосновениях, красивом лице, добрых словах. Наконец она сказала:

– Что ж, я думаю, нам придется отложить твоё сегодняшнее путешествие и вернуться домой. Маме и папе нужно тебя увидеть.

– Но, сестренка, у нас осталось не так уж много времени. Жители Луны скоро покинут Солнечную систему и отправятся на Энцелад. Им нужна моя помощь.

– Понимаю. – Эмилия решила ему подыграть. – Где находится Энцелад?

– Да ладно тебе, сестренка. Это один из спутников Сатурна. Там живет другая инопланетная раса. Жители Луны знают ее довольно хорошо.

– Ты такой умный, братишка. – Эмилия на мгновение задумалась. Она, как и ее родители, не препятствовала этим невероятным фантазиям. – Давай я позвоню папе.

Их отец приехал в горы на своем квадроцикле. Для всех остальных Джейк Форестер был чем-то вроде бога. Джейк возглавлял группу под названием Folkwhore, которая появилась в эпоху гранжа в Сиэтле наряду с такими группами, как Pearl Jam, The Smashing Pumpkins, Nirvana и Soundgarden. Платиновые и золотые пластинки украшали стены его студии.

Но для Эмилии и Луки он был просто папа. Конечно, со своими татуировками, кожаными браслетами и молодежной одеждой, он больше походил на музыканта, нежели на отца, но все же он им был.

Он подъехал к ним и спрыгнул с квадроцикла. В данный момент у него были короткие волосы и легкая небритость. Иногда это могли быть борода, усы или длинные волосы. Эмилия уже привыкла к переменам. Он обнял сына, поднял в воздух, говоря ему в шею:

– Лука, ты меня напугал! Разве я не просил тебя брать меня с собой в твои приключения? Красная Гора может быть опасным местом, и гораздо лучше путешествовать с таким напарником, как я. – Он опустил мальчика на землю.

– Прости меня, папа. Это жители Луны. Они хотели, чтобы я пришел один. Они пытаются попасть на Энцелад, на космическую конференцию. Все инопланетные расы беспокоятся о

¹⁶ 1 миля/час равна 1.60934 км/ч.

Земле, о том, как мы разрушаем нашу планету. Я вроде как посол, коль уж президент США такой тупица.

Джек и Эмилия рассмеялись.

– А что? Ты же все время сам так говоришь, папа!.. Сигнал в моей комнате был недостаточно сильным. Похоже, у их раций садятся батарейки. Поэтому я подумал, что получу лучший сигнал рядом с другими антеннами наверху. – Он показал пальцем.

На верхушке Красной Горы сетчатый забор защищал ряд антенн Wi-Fi, радио и сотовой связи, поднимающихся на сотню футов в небо. Они много раз проходили мимо всей семьей, во время прогулок по тропам.

– Понятно, – сказал Джейк. – Мне нужно, чтобы ты говорил мне, когда соберешься выйти из дома. Кроме тех случаев, когда захочешь поиграть во дворе. Если ты уходишь с нашей территории, мы должны знать, куда ты направился. Твоя мать была в ужасе. Помнишь койотов, о которых я тебе рассказывал?

– О, койоты не проблема. – Лука снял рюкзак с картинкой из «Звездных войн» и вытащил из него несколько пшеничных крекеров. – Я принес, чтобы покормить их. Они будут счастливы.

– Лука, – серьезно сказал отец, – койоты не такие, как Пеппер или Уилсон. Это не обычные собаки. Они опасны и могут причинить вред.

– Я так не думаю, папа. Я видел их раньше. Они очень милые.

– Иногда ты должен доверять мне, сынок. Я позволю тебе закончить эту миссию, но мы должны заключить сделку. Ты никогда больше не уйдешь далеко от дома, не взяв с собой маму, меня или сестру. Когда станешь старше, поймешь почему.

Джейк посадил к себе Луку, и они втроем поехали по тропе к вершине горы. Здесь не было деревьев, только полынь и большие гранитные валуны. Почти как на Луне. Как обычно, на вершине дул сильный ветер. Эмилия вертела головой, осматривая окрестности, насколько хватало глаз. Сельхозугодья, реки Колумбия и Якима, Хорс Хевен Хиллс¹⁷, столб дыма, поднимающийся со стороны Хэнфордского комплекса¹⁸, вишневые и яблоневые сады на северном и восточном склонах, разноцветные виноградники Красной Горы, крыша их дома.

Они подъехали к вышкам и спешили. Ворота, ведущие внутрь огороженной территории, были заперты, а вывеска запрещала вход посторонним.

Все трое подошли к ограде.

– Ты не сможешь попасть внутрь, – предупредил Джейк Луку.

– О, в этом нет необходимости. Просто смотри, папа.

Мальчик высыпал содержимое рюкзака на землю. Там были клейкая лента, проволочные вешалки для одежды, которые он тут же распрямил, батарейки и два бумажных стаканчика.

– Что это у тебя, Лука? – поинтересовалась Эмилия, пытаясь привести в порядок растрепанные ветром волосы, все еще поглощенная воспоминаниями о поцелуе с Джо Мэсси.

– Помнишь, папа показывал нам, как разговаривать друг с другом с помощью двух чашек и веревки? У меня не было достаточно длинного каната, чтобы добраться до Луны, поэтому пришлось придумать более надежный метод. Просто смотри, ладно? Я не могу обучать тебя посреди миссии.

Он приклеил несколько расправленных вешалок к стаканчикам и сбоку присоединил две двойные пальчиковые батарейки. Потряс этой конструкцией в воздухе, очевидно, проверяя на прочность, и сказал:

– Я готов.

¹⁷ Горный хребет в штате Вашингтон.

¹⁸ Выведенный из эксплуатации комплекс по производству радиоактивных материалов, расположенный на берегу реки Колумбия в США. Здесь расположена Колумбийская АЭС.

Затем снова полез в рюкзак, вытащил пару лыжных очков, резиновую перчатку огромного размера и, натягивая ее на руку, объяснил:

– Имея дело с такой мощной энергией, нужно использовать защиту. Иначе можно обжечься. А теперь отойдите, пожалуйста. Мое изобретение находится на ранней стадии, и я не знаю точно, чего ожидать.

Лука надел очки, встал на колени, поднес один стаканчик к забору и заговорил в другой:

– Жители Луны, это Лука Форестер. Я звоню из Красной Горы. Вы слышите?

Он на минуту поднес стаканчик к уху и заговорил в него снова.

– Слышимость отличная. Есть ли еще какие-то поручения, которые я должен выполнить?

Может пройти много световых лет, прежде чем нам удастся выйти на связь снова. Будет ли что-нибудь добавлено к списку моих миссий?

Эмилия посмотрела на улыбающегося отца.

– Я скоро свяжусь с президентом США. Я пока не говорю ни по-русски, ни по-китайски, но найду переводчика. А пока позабочусь о том, чтобы люди в Красной Горе перерабатывали отходы. Да и ядерный полигон сейчас зачищают. Плутония больше нет. Я все время об этом читаю. Что касается загрязнения реки, я поговорю с мэром. Думаю, что мой отец знаком с ним.

Лука потряс стаканчик.

– Вы пропадаете. Мы должны прервать связь, пока они не выследили меня.

Он внимательно слушал, затем ответил:

– Десять-четыре. Вас понял.

Еще через пару минут:

– Передайте своему лидеру, что я хотел бы как-нибудь навестить его. Сейчас мне только восемь, но, может быть, когда мне исполнится одиннадцать, я буду выше и сильнее, и мой отец, вероятно, отпустит меня на день или два.

Снова послушал и ответил:

– Да, все в порядке. Я выполню все задания. Конец связи.

* * *

Пока Кармен и Джейк нежно бранили своего сына, Эмилия последовала за помощницей своей мамы, Эбби, к ее дому, чтобы помочь разгрузить продукты. Та обитала в маленьком особнячке, который Форестеры построили для нее на склоне холма, неподалеку от их собственного дома. Бесплатное проживание здесь было частью материальной компенсации за работу. Ее жилище больше походило на бунгало. Наверху спальня и ванная комната с балконом, очаровательная гостиная, кухня и ее одна небольшая ванная внизу. Эбби сделала это место еще привлекательнее, развесив абстрактные картины художников из Бейнбриджа, Уидби и Сан-Хуана. Ей явно нравилось буйство красок, и ее жилище напоминало радугу.

Эмилия часто зависала там, перенимая у Эбби больше, чем когда-либо в школе. Эбби могла бы говорить о политике в течение нескольких дней, являлась поборником прав женщин. Она была уникальна, и общение с ней казалось девушке глотком свежего воздуха. Когда Эмилия поставила все пакеты на стойку, Эбби сказала:

– Чувствую, нам придется прикрепить ему на лодыжку датчик перемещения.

– Возможно, он и тогда найдет выход.

– Эй, – сказала Эбби, – хочешь услышать хороший анекдот о мормонке, побывавшей в городе?

– Конечно! – Девушке нравились ее шутки, особенно непристойные.

– Жила одна мормонка по имени Мэри из Бентон-Сити. Мэри впервые поехала в Сиэтл, и, когда она вернулась, все ее друзья захотели узнать, каково в городе. Она сказала: «Там есть мужчины, которые целуют других мужчин». – «Что?! – воскликнула одна из ее подруг. – Как

их называют?» – «Их называют гомосексуалистами, – ответила Мэри. – Есть и женщины, которые целуются с женщинами». – «Ты шутишь, наверное? – удивились ее друзья. – А их как называют?» – «Их называют лесбиянками, – сказала Мэри. – И есть мужчины, которые целуют женщин в интимные места». – «Ой, да брось! – не выдержала другая подруга. – Как же их называют?» – «Не знаю, но когда он закончил со мной, я назвала его волшебником».

Эмилия расхохоталась.

– Где ты все это берешь?

– Темные переулки, – хмыкнула Эбби, усаживаясь на табуретку в кухне. – Кстати, как жизнь? Ты выглядишь так, словно находишься на вершине мира. Вся искришься. Словно влюбилась. У вас с Тексом серьезно?

Эмилия начала встречаться со звездным футболистом с первой недели учебы в школе.

Девушка покачала головой.

– Определенно нет. Жизнь сейчас действительно хороша, но Текс не имеет к этому никакого отношения. Не понимаю, что я вообще в нем нашла.

– Я знаю, что ты в нем нашла. Он просто южный красавчик.

– Да, он красавчик. Но... но и только. Не помню, чтобы у нас с ним когда-нибудь был разговор, заставляющий задуматься.

– Я знаю таких людей. Посмотри на меня, Эм. Мне тридцать шесть, и я до сих пор не была замужем. Не так уж много действительно нормальных парней. Большинство мужчин – просто гора мышц, которая суетится вокруг, натываясь на предметы и ощупывая наши прелести.

– Он единственный за долгое время парень, пригласивший меня на свидание. Я чувствовала, что просто-таки не имею права сказать «нет». Потом все как-то закрутилось... Но это не могло продлиться долго.

Правда заключалась в том, что именно фальшивая сторона ее личности, которую она создала для собственной защиты, ответила «да». Настоящая Эмилия никогда бы не увлеклась таким, как Текс.

Они сели на диван.

– Добро пожаловать в мою жизнь. Знаешь, Эмилия, причина, по которой никто не приглашает тебя на свидание, заключается в том, что ты пугаешь парней. Посмотри на себя. Ты упакована по полной программе. Никто не чувствует себя достойным.

– Пугают мои родители, а не я.

– И кого же, по-твоему, могут напугать твои родители?

– Уверена, что всех.

– Да ладно! Уверена, что любой парень захочет похвастаться перед друзьями, что встречается с дочерью Джейка и Кармен Форестер. Тебе придется постоянно от таких избавляться. Помни мои слова: тебе предстоит быть очень осторожной на свиданиях всю оставшуюся жизнь. Преодолевать это. Никто не станет тебя жалеть. Поэтому ты сама должна быть привлекательной для парней, не твои родители. Значит, Текс в прошлом? Кто же наш новый парень?

Эмилия вздернула голову и промолчала.

– Неужели ты думаешь, что сможешь что-то скрыть от меня? Я знаю тебя с детства. И я – женщина. Никто не светится так, как ты, если только не влюблен.

Эмилия улыбнулась, отчаянно желая рассказать обо всем Эбби. Ей так хотелось, чтобы Джо Мэсси снова прикоснулся к ней!

– Возможно, кое-кто действительно есть.

– Кто же?

– Я не готова разглашать эту информацию.

Господи, на самом деле она хотела, очень хотела сказать Эбби, что впервые в жизни испытывает чувства к кому-то!

– Должно быть, это кто-то, с кем тебе не следует встречаться.

Девушка выдавила из себя улыбку:

– Я не могу сказать.

– Ты непослушная девчонка!

И Эмилия подумала: *«Как здорово хоть раз побыть непослушной девочкой».*

7

Званный ужин на Красной горе

В «Лакоде» Брукс Бейкер натянул резиновые перчатки, резиновые сапоги и с лопатой пролез в дверь ферментационного резервуара. Они выкачали весь сок из восточного блока сира. Теперь дно емкости было заполнено выжимками, оставшимися после брожения кожицами и семенами, которые необходимо было отжать. Ему не нужно было заниматься грязной работой, но ему нравилось быть образцом для подражания. Разгрести баки было достаточно тяжело. После двадцатиминутной работы лопатой он выскочил наружу, чтобы позволить «винным крысам»¹⁹ вымыть бак. Ему нужно было поскорее оказаться у Форестеров, а до этого захватить вино и переодеться. Он поговорил на ломаном испанском со своими парнями, пока снимал сапоги. Спустился на лифте на нижний уровень, где готовое вино выдерживалось и хранилось до отгрузки. Следуя за светом настенных бра, он повернул налево и пошел по одной из изогнутых дорожек. Температура была чуть ниже шестидесяти градусов, и это напоминало прогулку по пещере.

Брукс дошел до личного подвала Форестеров. Он прижал большой палец к считывателю, и гигантская деревянная дверь открылась. За ней находилось то, что винный фанат счел бы коллекцией мечты – более трех тысяч бутылок со всего мира, начиная с конца 1800 года. Ах, преимущества славы! Брукс и Эбби были единственными не принадлежащими семье людьми, которые имели сюда доступ.

Он прошел в секцию белого бургундского и остановил свой выбор на «Конт Лафон» 1973 года производства «Мерсо». Одного сорта никогда не бывает достаточно, рассуждал Брукс. И, положив пару бутылок в винный мешок, направился в секцию «Красная гора», где взял по две штуки «Хеджес Фэмили Эстейт» и «Киона» конца девяностых. Это будет хорошая ночь.

Вернувшись на первый этаж, мужчина умылся. Однако никак не мог смыть с кожи рук фиолетовый оттенок – признак винодела. Он работал по десять часов в день с тех пор, как начался сбор урожая, и пятна на его пальцах все густели и густели. Стоило ночью закрыть глаза, перед ними возникало нечто фиолетовое.

Сразу после шести Брукс сел на свой мотоцикл «Триумф Скрэмблер» и поехал к Форестерам с мешком вина в руке. Он въехал в открытую калитку, подошел к входной двери и позвонил. Внутри залаяли два веймаранера²⁰.

Эбби открыла дверь, и Пеппер с Уилсоном выскочили ему навстречу.

– Эй, мальчики!

Он дал им понюхать свою руку и погладил.

– Привет, красавчик, – сказала Эбби.

Он чмокнул ее в щеку и последовал за ней в дом, который, благодаря экономке, сверкал безукоризненной чистотой. Потолки были сверхвысокие, а в современном интерьере преобладали оранжевые, синие и золотые тона, стены – сочетание кирпича и экзотических обоев. Здесь было больше от Матисса, чем от Моне: мебель – изогнутая, абстрактная, как само искусство, и в довершение экстравагантные и яркие подушки.

– Все на заднем дворе, – сообщила Эбби, ведя его через холл. – Хочешь помочь мне закончить дела на кухне?

– Да, конечно. Веди меня к своей микроволновке.

¹⁹ Разговорный термин, служащий для обозначения младших работников винодельни, тех, кому поручают наименее престижную и наиболее грязную работу – чистку и пропаривание резервуаров, запуск шлангов.

²⁰ Веймарская легавая (нем. weimaraner) – охотничья подружейная собака.

– Знаешь, Брукс Бейкер, в конце концов тебе придется научиться готовить. Ты не можешь быть в винном бизнесе и не знать, что делать на кухне.

– Все в этих горах повара. Кто-то должен сосредоточиться на еде. Я мастерски подношу вилку ко рту. Что же ты приготовила? – спросил он, войдя на кухню.

Это была кухня-мечта, дизайн которой вынашиваешь годами: итальянская плита на шесть конфорок, три духовки, дубовый островок, заставленный фруктами и овощами. На белой кварцевой стойке уже были готовы тарелки с едой, прикрытые прозрачной пленкой.

– Ничего особенного, – ответила она. – Салат из обычной и брюссельской капусты, капрезе с последними помидорами из нашего сада, копченый лосось из реки Купер. Сыр, корнишоны, оливки, моя маринованная спаржа. О, и у меня есть несколько багетов в духовке. Ты не мог бы их вытащить? – Она бросила ему прихватку.

Он вынул аппетитный хрустящий хлеб.

– Кстати, ты сегодня прекрасно выглядишь.

– В этом фартуке? Я совершенно растрепана.

– Даже в фартуке. Просто такая, какая ты есть.

Повесив сумку с вином на плечо, Бейкер взял две тарелки и направился к задней двери. Бассейн был освещен, и балийская статуя Деви²¹ выплевывала воду из середины. С верхнего яруса, такого же высокого, как ворота, доносился смех, и он поднялся туда. Отсюда открывался великолепный вид на запад. Присутствующие обернулись, чтобы поприветствовать его. Он пожал руки Джейку и Кармен Форестер, и они представили его остальным. Один из гостей был журналистом из «Роллинг Стоун»; утром Брукс беседовал с ним. Кроме него была старая подруга Кармен, с которой он тоже раньше встречался. Он чмокнул Эмилию в щеку и поздоровался с ее бойфрендом.

Текс Джентри был капитаном футбольной команды, отличным ресивером²², мускулистым и красивым блондином – и настоящим придурком, по мнению Брукса Бейкера. Он считал, что Эмилия достойна большего. Она была из другой лиги. У Текса не было такой глубины, как у нее, или характера. Брукс ощущал себя старшим братом Эмилии и искренне желал ей лучшей доли.

Он вернулся в дом, чтобы помочь Эбби, а затем присоединился к остальным за длинным прямоугольным столом, заняв дальний от хозяина конец. За спиной Джейка садилось солнце. Небо на западе было раскрашено невероятными цветными полосами, а пустыня и голые каменистые холмы отливали лиловым и пурпурным. С таким же успехом вы могли оказаться в Испании или Италии. Гора Адамс, вторая по высоте в штате Вашингтон, гордо возвышалась на горизонте, и окружающие ее облака сияли, как нимбы ангелов, смотрящих на землю.

В ту ночь, как и всегда, обитатели Красной Горы и их беседы были еще более колоритными, чем закаты на огромном небе. Они никогда не давали шанса скуке, часто переходя черту, чем шокировали тех, кто впервые попадал в эту точку земного шара.

Кармен обычно была одной из первых, кто нарушал границы, и этот вечер не стал исключением. В середине ужина кто-то заговорил о том, как отчаянно Красная Гора нуждается в местах для постоя, и всплыло имя Марго Пирс. Переселенка из Вермонта строила недалеко отсюда, на горе, «Эпифани» – маленькую гостиницу с рестораном. В начале года, только переехав на Красную гору, она принесла пряное имбирное печенье на винодельню, они с Бейкером выпили по бокалу вина и пообщались. Любой, кто приносил печенье, был у него на хорошем счету.

В разговор вмешалась Кармен; она явно пила весь день.

²¹ Дёви или Дэви – богиня-мать, женская форма Бога в индуизме.

²² Ресивер (Wide receiver) – игрок, который специализируется на приеме пасов.

– Я слышала, Марго вегетарианка. И что же, выходит, готовить она будет соответствующие блюда? В кои-то веки у нас появится ресторан, но подавать там станут горох, шпинат и тофу. Вот отстой!

– Перестань, Кармен, – сказал Джейк. – Это не слишком любезно. Я уверен, что еда будет очень вкусной.

– Ну, я не понимаю, как она может быть вегетарианкой. У нее явно лишний вес. Держу пари, она таскает хот-доги, когда никто не смотрит. Все переезжают на запад и становятся веганами. Просто слепо следуя моде.

За столом воцарилась тишина, к которой Брукс уже привык. Неловкое молчание – частая вещь на Красной горе. Он взглянул на Джейка и увидел на его лице отвращение. Кармен не всегда была такой, это за последний год она превратилась в измученную злоку. Брукс не знал почему, однако ему было интересно, как долго Джейк сможет это выносить.

Появился Лука, подкравшись к столу в пижаме, с видеокамерой в руке, которая мигала красным огоньком. Поздоровавшись со всеми, подбежал к отцу. Эбби встала, чтобы отвести его наверх, но тут вмешался Брукс.

– Я заберу его. Нам с Лукой нужно кое-что наверстать.

С мальчиком он тоже очень сблизился. У него не было своей семьи; Форестеры и его наставник Отис Тилл – все, что у него было.

Брукс схватил видеокамеру и поднял Луку в воздух. Тот громко рассмеялся.

– Разве ты не должен спать, дружище? – Брукс взвалил его на плечи.

– Не-а! Еще нет даже девяти часов.

– Девять часов? Какой восьмилетний ребенок ложится спать в девять часов? – строго спросил мужчина.

– У меня в школе одни пятерки. Я могу делать все, что захочу.

– Не могу с этим поспорить. Но как насчет того, чтобы показать мне, над чем ты работаешь? Я слышал о твоём новом проекте.

– Ну, это совершенно секретно.

– Тогда пойдем наверх, и ты сможешь меня проинструктировать. Ты же знаешь, что у меня есть сверхсекретный допуск, верно?

– Кто его тебе дал?

– Если я скажу, мне придется тебя пощекотать.

– Чушь собачья! Что ты заливаешь?

Кармен вскочила.

– Следи за языком, Лука Форестер.

По столу прокатился взрыв смеха.

Брукс отнес мальчика наверх и сел рядом с ним на ковер; вокруг стояли деревянные стулья, которые обычно занимали воображаемые друзья Луки. Брукс встречал их много раз.

– Посмотрим, смогу ли я вспомнить имена всех, – сказал он.

– Ну, попробуй.

– Дага, Гоблз, Стенбар, Чандемье, Сьюви Ду, Дилло и... Мидо.

– Ага. Неплохо, неплохо!

– Слышал, ты сегодня напугал своих родителей?

– Ну да, у меня была секретная миссия. Я помогал жителям Луны.

– Так вот для чего нужна видеокамера! – воскликнул Брукс.

– Откуда ты знаешь?

– Мне кое-что об этом известно.

– Ого! Да, они попросили меня снять фильм о жизни на Красной Горе, чтобы лучше понимать людей. Моя сестра отличный монтажер и собирается помочь мне. В прошлом году она делала фильм для школы.

– И сколько времени займет проект?
– Предположительно еще месяц или около того. Зависит от качества снятых мной кадров.
– Могу я посмотреть?
– Мне нужно спросить у жителей Луны. Поскольку мой отец знаменит, он сможет выбрать несколько кинотеатров для показа, если я захочу. Есть вероятность, что я приглашу тебя на премьеру. А Эбби стала бы твоей парой.

Брукс был ошарашен.

– Откуда ты знаешь обо мне и Эбби?
– Мне кое-что об этом известно.
– Ты очень умный ребенок. – Брукс положил ладонь на голову мальчика. – Ты можешь держать нас с Эбби в секрете?

Лука кивнул.

– Очень приятно с тобой поговорить. Но мне нужно вернуться к столу.

– Ты собираешься ее поцеловать?

– Надеюсь.

Брукс попрощался и спустился вниз, впечатленный пронизательностью мальчика.

8

Жажда любви

Марго Пирс не хотелось вставать с постели. Такие утра время от времени случаются. Она даже не потрудилась переодеться и сидела в ночной рубашке. Рядом с ней валялась коробка с салфетками. Терьер Филипп свернулся калачиком на краю кровати и меланхолично жевал пачку гигиенических тампонов. На экране шел ее любимый фильм на все времена – «Под солнцем Тосканы». Она переписывалась со своей лучшей подругой, живущей в Вермонте, и листала пошлые журналы, поедая остатки пасты и фисташкового мороженого. Сегодня она ненавидела своего бывшего мужа даже больше, чем обычно; едва могла дождаться полудня, чтобы залезть в ванну и разыграть новую фантазию – возможно, на этот раз с мусоропроводом. Она была сыта по горло своим подрядчиком и не могла поверить, что еще один день проходит без рабочих на стройке.

Вид пустых тарелок рядом с часами, показывающими 10:04 утра, вызвал у Марго отвращение, и она надолго остановила фильм, дабы избавиться от улик, раскрывающих ее обжорство. Потом снова забралась под одеяло, чтобы досмотреть любимую мелодраму.

Она делала это так часто, что помнила наизусть все диалоги. Ей очень нравилась главная героиня – Френсис в исполнении Дайан Лейн. У них было так много общего: мерзкие бывшие, любовь к хорошей еде, жажда романтики. Фильм вдохновил Марго на претворение в жизнь заветной мечты – она начала строить «Эпифани». По общему мнению, «Под солнцем Тосканы» считался произведением невысокого уровня, но он был ее путеводной звездой, и этот факт она держала в секрете от всех.

Начался ее любимый момент: Фрэнсис встретила Марчелло, итальянца своей мечты. После неожиданных двадцати четырех часов страстного блаженства она в восторге скачет на кровати, пританцовывая и напевая. Эта сцена всегда заставляла Марго громко смеяться, но сейчас ее смех быстро перешел в плач. Ведь Фрэнсис не знала, что Марчелло скоро уйдет к другой. Вот как поступают мужчины! Марго крепко обняла Филиппа и зарыдала, заливая слезами подушку. Она никогда никого не встретит, никого похожего на Марчелло, а если и встретит, то он либо бросит ее, либо изменит ей, либо будет врать. Как в ситуации с Фрэнсис: когда та поднималась после очередного удара судьбы, кто-то снова выбивал почву у нее из-под ног.

Фильм закончился, и Марго слово в слово продекламировала весь заключительный монолог Фрэнсис. Она могла бы смотреть этот фильм каждый день до конца своей жизни.

– Никогда не поздно! – сказала она вслух, ударив по подушке. – Никогда не поздно!

Женщина встала с постели и подошла к шкафу. Быстро, чтобы не передумать, достала спортивную форму и положила на кровать. Сняла ночную рубашку и посмотрела на себя в зеркало. Если не считать последнего года замужества, когда она совсем перестала есть, у нее всегда было пышное тело с валиками на боках, но сейчас все начинало выходить из-под контроля. Все уже вышло из-под контроля! Она коснулась груди, которая выросла по крайней мере еще на один размер и в последнее время просто вываливалась из бюстгалтеров. Марго надела обтягивающую футболку, эластичные брюки и кроссовки, и они с Филиппом вышли на свежий воздух; было около семидесяти градусов. Она все еще чувствовала на языке вкус мороженого. Марго немного побродила, напевая песни из мюзиклов: «Парни и куколки», «Звуки музыки», «Моя прекрасная леди». Когда-то она их исполняла со сцены...

Наконец она решила перейти на бег трусцой и сразу же тяжело задыхалась из-за нехватки кислорода. К тому же заболели колени. Тем не менее они с собакой побежали вверх по крутому участку Антинори-Роуд. Но продержаться удалось недолго. Достигнув Кол Солар, она перешла

на быстрый шаг, двигая в такт руками, надеясь, что дополнительные усилия сожгут несколько лишних калорий.

Спустившись с холма, они миновали семейное поместье Хеджес – одних из первых виноградарей на Красной Горе. Том Хеджес вырос в Ричленде, совсем недалеко от города, а его очаровательная жена Анна-Мария приехала из Шампани. Марго не могла не наслаждаться ее французскими манерами, и обе женщины нашли общий язык с того момента, как познакомились. Сын Хеджесов Кристоф унаследовал навыки каменщика Старого Света от своего прадеда из Шампенуаза, и внушающее благоговейный трепет шато Хеджес был его детищем. Их дочь Сара нашла свое призвание в качестве главного винодела и пекла хлеб высшего сорта, но Марго ни разу не посчастливилось заполнить его.

Вдалеке был виден силуэт бегущего в ее сторону человека, и она прибавила темп, словно хотела что-то доказать. Когда он приблизился, Марго узнала его, и ее сердце бешено заколотилось. Они не были знакомы с Джейком Форестером, но, конечно, ей было известно, что он живет неподалеку, и она надеялась, что когда-нибудь встретит его. Но только не в тот день, когда она была до безобразия толстой и одутловатой, без макияжа и вся взмокшая от бега!

Джейк носил чрезвычайно короткие шорты, которые демонстрировали невыносимо сексуальные ноги с хорошо сформированными икрами, покрытыми идеальным количеством вьющихся темных волосков, а майка открывала его мускулы и татуировки, блестящие от пота. Он остановился и помахал рукой, предлагая ей замедлиться. Когда он подошел ближе, Марго отметила четкую линию скул и подбородка, широкий нос, очень утонченный взгляд, словно мужчина был создан для обложки сигарного журнала. Намек на седину в черных волосах только подчеркивал его изысканность. Он просто излучал сексуальную привлекательность. Марго покраснела и почувствовала теплую пульсацию между ног.

– Вы, должно быть, соседка, которую я никогда не встречал. – Он протянул руку. – Меня зовут Джейк.

– Марго. – Она изо всех сил старалась встретиться взглядом с его красивыми глазами.

– О, конечно! Вы строите «Эпифани».

– Такими темпами я буду строить ее всю оставшуюся жизнь.

– О, нет! То же самое случилось с «Лакодой» и нашим домом. Ничто не происходит так, как планировалось!

– Даже близко нет. – Она покачала головой.

– Как только вы откроетесь, мы сделаем все возможное, чтобы поддержать вас. Не могу выразить, как я счастлив, что наконец здесь появится место, где можно остановиться.

– Нам это необходимо, не так ли?

– Крайне! – Он наклонился, чтобы поздороваться с псом. – А это кто тут у нас?

– Это Филипп.

– Привет, Филипп, – сказал он, проводя рукой по жесткой шерсти собаки. – Я слышал, что у вас в семье тоже есть музыкант. Верно?

– Да, это так. – Марго просияла. – Мой сын, Джаспер. Он пианист. Действительно мирового уровня.

– Его учитель рассказал мне. Мы с Квентином старые друзья. Он утверждает, что Джаспер вундеркинд. Как вы думаете, он согласился бы время от времени играть со мной?

– О боже мой! Ему бы это понравилось.

– Если я смогу угнаться за ним. Не могли бы вы дать мне его номер? Я позвоню.

Пока Джейк вбивал номер Джаспера в свой телефон, Марго пыталась не сойти с ума. Ей не терпелось поскорее вернуться домой и рассказать все сыну. Когда они прощались, Джейк пожал ей руку.

– Очень приятно познакомиться, Марго. Думаю, мы будем видеться гораздо чаще.

– Надеюсь. – И она снова попыталась встретиться с его пронзительным взглядом.

Марго и Филипп срезали путь через виноградник и бежали так быстро, как она не бегала много лет, и гигантские холмы Хорс Хевен Хиллс, покрытые сорняками, смотрели им вслед. Достигнув подъездной дорожки, она замедлила шаг, думая о Джейке. Что за мужчина! Его жена – счастливейшая женщина на земле. Она посмотрела на свою руку, к которой он прикасался, и лизнула ее, пробуя на вкус, ощущая соленую поверхность.

Марго оставила Филиппа на кухне с его любимым плюшевым тигром и, охваченная страстным желанием, поднялась по лестнице. Не успев дойти до своей комнаты, она уже стягивала с себя спортивную одежду и ласкала себя. Она всегда любила секс, но в последнее время просто-таки отчаянно жаждала любовника. Подойдя к кровати, Марго провела руками по телу, думая о Джейке, представляя его наготу рядом с собой, прикасаясь к ней.

Она кончила с громким стоном, который заставил ее прикрыть рот ладонями.

* * *

После обеда она работала с электронной почтой и занималась рутинной, необходимой для начала нового бизнеса. В действительности ей очень хотелось поехать в школу Джаспера, вытащить его из класса и рассказать ему о предложении Джейка сыграть дуэтом. Но потом решила, что будет веселее подождать, пока он вернется домой. Они могли бы вместе праздновать и готовить.

Джаспер и ранее играл с замечательными музыкантами, но Джейк был такой значимой фигурой в музыкальном мире! Марго была уверена, что Джаспер будет потрясен; это может быть лучшая новость, которую ее сын когда-либо слышал.

Около двух часов Марго вышла в сад на заднем дворе. Ее мать была замечательным садовником, и Марго выросла в Виргинии, копаясь в земле. Даже когда она пела в Нью-Йорке, она ухаживала за маленьким садом на крыше своего дома в Челси, где выращивала одни из лучших помидоров на Манхэттене. За прошедший сезон она соорудила четыре больших ящика, заполнила их очень здоровой почвой и козым навозом и посадила самое основное. Вначале – капусту, радужный мангольд²³ и морковь всех цветов; затем, уже летом, лук, кабачки, баклажаны, помидоры и зелень. Теперь пришло время собирать свой осенний урожай: несколько красивых листьев коллардовой капусты, обычную капусту, мускатную тыкву и тыкву для пирога. Марго не могла нарадоваться тому, как хорошо растут овощи в Восточном Вашингтоне. Она построила небольшой двухфутовый забор вокруг своего сада, чтобы защитить его от кур. С корзинкой свежей зелени в руке она перешагнула его и направилась к курятнику. По доносившемуся изнутри кудахтанью Марго поняла, что одна из ее девочек сидит в гнезде. И поспешила внутрь, чтобы налить воды и наполнить кормушки.

Марго очень заботилась об этих цыплятах, как и обо всех животных, которыми она когда-либо владела, балуя их всеми возможными способами. Таннер, ее чертов подрядчик, потратил три недели на строительство курятника из кедра, о котором она мечтала. Ее бывший никогда не позволял ей даже говорить о том, чтобы завести живность, так что это был один из первых проектов, за который она ухватилась, когда они с Джаспером переехали на Запад. Курятник вполне мог вместить двадцать пять куриц, но пока у нее было только пять. Как и в случае с огородом, она хотела действовать медленно, пока не освоится. Она не пожалела на него денег, включая совершенно ненужную жестяную крышу, но самой нелепой особенностью – и ее любимой – была хрустальная люстра, висящая внутри, уже покрытая слоем куриного помета. Господи, если бы кто-нибудь знал, сколько она на нее потратила!

Куры прибежали, услышав, что она наполняет кормушку.

²³ Мангольд – подвид свеклы обыкновенной, травянистое растение со съедобными листьями, а не корнеплодом.

– Привет, девочки. Как у нас сегодня дела? Не знаю, как вы, а я встретила мужчину. Красивого. Конечно, он женат. Такие всегда женаты.

Куры бодро клевали свою еду, пока она, обращаясь к каждой по имени (все женщины Бродвея), задавала им вопросы, на которые они никогда не ответят. Она поднимала крышку люка, чтобы собрать яйца, когда позвонил директор школы Джаспера.

– Все в порядке? – спросила она, уже зная, что это не так.

– Джаспер поранился, – сказал мужчина. – Он в больнице.

9

Горе выбирает любящих

На перемене перед уроком физики Эмилия Форестер постучала в открытую дверь кабинета Джо Мэсси. Она провела ночь, думая о нем. И даже когда Текс целовал ее на прощание на подъездной дорожке, она думала об учителе.

Девушка не знала, чего ожидать от мистера Мэсси. Возможно, его брак разваливается? Между ним и Эмилией возникла магия, которую нельзя было отрицать. Она и не представляла, что такое возможно, до того момента, как они поцеловались. Но как только их губы встретились, она загорелась. Она чувствовала, как влюбляется в него, и уже представляла их совместное будущее. Он ведь был ненамного старше.

Учитель жестом пригласил ее войти, но ничего не сказал и даже не улыбнулся.

– Что случилось? – с нарастающей тревогой спросила Эмилия.

Он глубоко вздохнул и проговорил:

– Я сожалею о вчерашнем. Я был не прав.

Невыносимая тоска пронзила девушку до мозга костей. Неужели это происходит на самом деле? Неужели он действительно собирается покончить со всем прямо сейчас?

Мистер Мэсси держался за подбородок.

– Ты удивительная. Но я женат. И ты – моя ученица. Это неправильно. Тебе всего семнадцать лет.

– Я не просто какая-то семнадцатилетняя девчонка! – выпалила она, чувствуя себя использованной и никчемной.

– Разумеется нет. Именно поэтому я не хочу причинить вред тебе, твоему будущему. Ты и так уже достаточно запуталась. Это было ошибкой.

Эмилия опустила глаза в пол. Она почувствовала себя обессиленной, на глаза навернулись слезы. Она не хотела, чтобы он снова увидел ее плачущей, поэтому повернулась и пошла к двери. Мистер Мэсси окликнул ее. Но ей больше нечего было ему сказать. Она не станет умолять; сильные, уверенные в себе женщины так не поступают. Но внутри, в глубине настоящей Эмилии, той, которую она никогда больше не позволит ему увидеть, ей хотелось упасть на колени и умолять, умолять, как она умоляла свою маму поиграть с ней, умолять, как она умоляла своего отца не ехать в очередное турне.

Текс ждал у ее шкафчика. Была перемена, и в коридорах стоял гул. Юноша был примерно того же роста, что и Джо Мэсси, шесть футов и два дюйма, но намного сильнее, с твердым, как камень, прессом и гораздо более накачанными руками, скрытыми в данный момент курткой, на которой с левой стороны красовалась огромная белая буква «Б» – Бельмонтская средняя школа. У него была копна вьющихся каштановых волос, которые все чирлидерши любили перебирать пальцами, и это постоянно раздражало Эмилию.

Его настоящее имя было Деррик, но он вырос в Техасе среди гордых техасцев (она никогда не видела его отца без ремня марки «Texas» с немного навязчивой пряжкой в виде стилизованной буквы «Т»), в честь которых и получил свое прозвище. С того момента, как он научился держать мяч, родители не уставали повторять, что он великая надежда Техаса, и хотя они переехали в Вашингтон, Текс оставался гордостью Техаса. Выпускной год только начался, а он уже подписал контракт с «Техас Лонгхорнс»²⁴. Молодой спортсмен был одним из самых быстрых игроков в стране: пробегал 40 метров за 4,4 секунды. Ему доверили позицию реси-

²⁴ Университетская футбольная команда.

вера, а тренеры из НФЛ²⁵ уже присматривались к юноше. Но он был не просто качком, под красивой обложкой имелось и внутреннее содержание, достаточное, чтобы Эмилия терпела его последние пару месяцев, позволяя разыгрываться их школьной интрижке.

– Что случилось, детка? – полюбопытствовал он, покусывая верхнюю губу.

Она проигнорировала его, открыла свой шкафчик и тупо уставилась на фотографию, которую приклеила к внутренней стороне двери: Джони Митчелл с акустической гитарой «Мартин» в руках.

– Эй, что я такого сделал? – Он положил руку ей на плечо.

Она стряхнула его руку.

– Ничего, я просто не хочу сейчас разговаривать.

Она набила рюкзак учебниками, зная, что вернется в школу только через несколько дней.

– Что с тобой такое? – спросил Текс.

– Оставь меня в покое! – рявкнула она, невольно привлекая внимание всего холла. Суэта вокруг сменилась странной тишиной. На мгновение девушка оказалась словно в лучах прожектора, давая окружающим редкую возможность узреть неидеальную Эмилию Форестер.

Она взяла сумочку, закинула рюкзак на плечо и направилась к выходу, ее шаги эхом отдавались в тихом коридоре, все взгляды были устремлены на нее – навязчивые, любопытные, как у папарацци. Она выскочила в двойные двери и направилась прямо к своей машине. Лишь оказавшись на улице, в безопасности, девушка позволила себе разрыдаться, громко стелая и заливая рубашку слезами. Эмилия села в свой «Субару», который предпочла предложенному отцом «Порше», и закрыла лицо руками. Она привыкла получать, что хотела. Никто не бросал ее.

Внезапно в окно постучал Текс, напугав ее до смерти. Она опустила стекло.

– Что?

– Что с тобой происходит? – спросил он. – Я просто хочу помочь. Скажи мне как.

– Просто плохой день, вот и все.

– Так у тебя критические дни? В этом все дело?

Этого ему точно не стоило говорить. Эмилия недобро прищурилась, и футболист снова прикусил губу.

– Какой же ты примитивный, Текс. Да как ты вообще смеешь?! Как ты смеешь...

Девушка закрыла окно и, пока Текс, разводя руками, удивленно смотрел на нее, выехала со стоянки. Сегодня был худший день в ее жизни. Сможет ли она когда-нибудь оправиться? Поездка на Красную гору в тишине и одиночестве измучила ее, в голову лезли разные мысли, с каждой минутой все ужаснее и ужаснее, и возникали вопросы.

Приехав домой, Эмилия бросилась к себе в комнату. Отец, вероятно, был в своей студии. Она не знала, где сейчас мама, наверное, гляделась в зеркало. Эмилия переделась в пижаму и забралась в постель, плотно закутавшись в одеяло. Нет, она никогда больше не встанет с этой кровати. Может быть, им придется вытащить ее мертвое тело, и тогда все наконец узнают правду. Оставшееся время она провела, ворочаясь под звучавшую из CD-плеера Сюзанну Вега.

Сэди – лучшая подруга – весь день буквально заваливала ее эсэмэсками. Эмилия не обращала на них внимания, но одну, пришедшую около двух часов дня, все-таки прочитала. *«Твой кавалер и его банда только что отправили в больницу новичка, Джаспера Симпсона:(»*.

Эмилия села и напечатала в ответ длинный ряд вопросительных знаков.

Пришел ответ: *«На парковке возле школы. Текс смеялся над ним. Джаспер не обращал на него внимания. Текс толкнул его, и Джаспер влетел ему пощечину»*.

«Вот и все, – подумала Эмилия. – Я так устала от него».

²⁵ Национальная футбольная лига – профессиональная лига американского футбола.

Текс и его друзья были полными идиотами. Она надеялась, что он потеряет свою стипендию и наконец-то получит настоящий урок. Почему она вообще решила, что у него есть внутренний мир?

10

Ты не можешь убежать от смерти

Отис пережил с Морган почти двадцать четыре часа, но сейчас она была наименьшей из его забот. Сегодня он стоял в винодельне с бокалом в руке, собираясь попробовать все вино. Его ассистент Элайджа, стажер из WSU²⁶, проверял цифры в лаборатории. Они начали работать с пяти тридцати утра, сейчас было около семи.

Винодельня, как и дом, находящийся ниже по склону, была построена из камня. По замыслу, здание должно было выглядеть так, словно его соорудили задолго до рождения хозяйки. Многие винодельни в Вашингтоне стремились к современности как в своей архитектуре, так и в вине; Отис, напротив, был приверженцем старых традиций. Он максимально использовал пространство, разместив три тысячи ящиков, что было просто замечательно, учитывая, как они с Элайджей перегружены. И Отис никогда не жертвовал качеством ради количества.

Он реализовывал всю продукцию через собственный винный клуб, который имел лист ожидания на пять лет вперед. Если вы отсутствовали в этом списке, то насладиться бутылочкой от Тилла было для вас большим везением. Хотя Отис не прилагал усилий, чтобы угодить критикам, они всегда были благожелательны к нему. Именно сарафанное радио подняло виноградники Тилла в стратосферу. Туристы, блогеры, друзья, коллеги-виноделы – все они поддерживали его усилия по формированию узнаваемого бренда «Рэд Маунтин».

За дегустационным залом в подвале у левой стены Отис поставил семьдесят две бочки из американского и французского дуба. У противоположной стены расположились резервуары из нержавеющей стали, глиняные амфоры и бетонные яйца²⁷. Постоянно стремясь к созданию вина души и истины, Отис все время играл методами виноделия, использовавшимися тысячи лет назад по другую сторону океана; отсюда амфоры и бетон.

Отис снял стальную крышку с амфоры. Девяносто пять галлонов сира азартно бурлили на полпути к брожению. Он закатал рукава и примял верхушку, смешивая кожуру с соком. Через пару минут погрузил бокал в молодое вино и поднес его к носу.

Запах мужчины не ощутил. Ни фруктов, ни дрожжей, ни диоксида серы, ни ароматических соединений. Пшик, ничего, ни черта. Словно он держал в руке стакан воды. Он еще сильнее уткнулся носом в стекло, глубоко вдыхая, вбирая в себя столько, сколько мог. Ничего. Он энергично взболтал вино, стараясь вызвать больше ароматов. Вновь поднес к носу. Он сделал глоток и, держа вино во рту, втянул немного кислорода, сложив губы трубочкой. Он жевал напиток, отчаянно пытаясь уловить хоть какой-то вкус. Ничего.

Отис уже провел некоторое время за компьютером, пытаясь найти причину происходящего. По мнению доктора Google, у него мог быть рак, болезнь Паркинсона, проблемы с сердцем, Альцгеймер или сотни других недугов. Он не считал, что все настолько серьезно, поскольку в остальном самочувствие было великолепное. Однако что-то определенно было не так, и осознание этого пугало и угнетало. Еще один удар под дых от жизни.

Он выплюнул вино ровной струей в сливное отверстие на полу. Чрезмерно злая ирония: винодел, потерявший чувствительность обонятельных и вкусовых рецепторов! Какую недобрую шутку сыграл с ним этот проклятый мир! Какой бог отрубил ему нос и отрезал язык?

Качество вина скоро начнет страдать, если он ничего не придумает. Хотя он многому научил Элайджу за последний год, он все еще не доверял его вкусу. Если здоровье будет про-

²⁶ Washington State University (*англ.*) – Университет штата Вашингтон.

²⁷ Современная версия древних амфор для выдержки вина. Бетон, в отличие от глины, менее пористый – вино выдерживается в более герметичных условиях, а за самими резервуарами гораздо проще ухаживать, чем за капризной глиной.

должать ухудшаться, этот урожай будет последним для Отиса; он не мог позволить себе абсолютно никаких ошибок.

Ему нужно было позвонить Бейкеру, виноделу, который, по мнению Отиса, поднимет Красную Гору на новый уровень. Человеку, которого он считал своим сыном.

– *El Jefe*²⁸, – ответил на звонок Брукс.

– Ты не против спуститься на винодельню? Ты мне нужен.

– Буду через пятнадцать минут. Но мне нужно вернуться сюда к десяти на интервью.

У Брукса Бейкера было золотое сердце. Отис много для него сделал, но сейчас вопрос не в этом. Их отношения вмещали в себя намного больше, чем долг или обязательство. Оба мужчины смотрели на вино одинаково: для них оно не было продуктом. Это не способ заработка, не страницы отчетов в PowerPoint и Excel. Выращивание и изготовление вина было чистой формой искусства: работать на земле круглый год – работать с землей круглый год – истекать кровью, потеть и трудиться в течение сезонов, собирать урожай, направлять сок до самой бутылки и делиться этой бутылкой с миром, делиться плодами времени и места. Чтобы помочь людям улыбаться.

Брукс шагнул в подвал.

– Чей это внедорожник у тебя стоит? С номерами Монтаны? Неужели Морган здесь?

– Именно.

– И ты мне ничего не сказал?! Не могу поверить. Она приехала – и не захотела со мной увидеться?!

– О, она прибыла надолго. Ты есть в ее шорт-листе. Но в данный момент у нее другие цели.

– Должно быть, что-то крайне важное, потому что иначе я не понимаю... Я-то всегда думал, что мы с ней близки.

– Она пытается найти мне жену.

Брукс хихикнул и похлопал Отиса по плечу:

– Держу пари, ты в восторге от этой идеи!

– Еще две или три недели этого абсурда...

– А может, она и права. Самое время тебе кого-нибудь найти.

– Брукс, не начинай. Мне есть чем заняться. – Отис убедился, что Элайджа не может их услышать, и прошептал: – Строго между нами. Никто не знает о том, что я тебе сейчас скажу, и надеюсь, не узнает. Даже Морган.

Улыбка Брукса погасла, он привык к плохим новостям.

– Даю слово.

– Я больше не чувствую ни запаха, ни вкуса.

– О чем ты говоришь?

– Со мной что-то не так. Seriously. Я не ощущаю, к чертям собачьим, никаких запахов.

И ни черта не чувствую на вкус.

– Уверен, это простуда.

– Нет, не простуда. Поначалу я тоже так думал.

– Ты был у врача?

– Еще нет. В конце концов я до него дойду. А пока мне нужно, чтобы ты помог мне разобраться с этими винами. Подскажи, что мне нужно делать.

– Господи, Отис. Ты в порядке?

– Я замечательно!

– Могу себе представить. Ты же знаешь, что я с радостью помогу тебе с урожаем и буду делать это каждый божий день, если понадобится.

²⁸ С испанского – Босс

– Да ладно тебе. Ты управляешь винодельней.

– Звони, как только понадобится. Правда. У меня всегда найдется для тебя время.

Отис достал бокал для Брукса, и мужчины обошли каждый сосуд с вином. Отис записывал, а Брукс нюхал, пробовал на вкус и сплевывал. Никаких серьезных недостатков, о которых можно было бы говорить. Только в паре бочек обнаружилось снижение, проблема обычно устраняется некоторым воздействием воздуха. Брукс особенно любил санджовезе – разновидность, которая только-только вступила в свои права на Красной Горе.

– Ты знаешь, как делать санджио, Отис. И ты был прав: мы не можем относиться к нему, как к каберне. Нам всего лишь нужно раньше снимать плоды с виноградных лоз и соприкасать их с дубом. Это скорее гаме, чем бордо. Отличная кислотность, живая и легкая, корица и роза за несколько дней. Да я мог бы жить на этой смеси!

– Ты же знаешь, я не фанат супертосканы²⁹.

Даже с искалеченными органами чувств Отис все еще мог обнаружить кислоту, компонент, который сам по себе не предлагал многого, но в сочетании с правильным количеством фруктов, терпкостью и алкоголем давал на выходе хорошее вино. Этот год был одним из самых жарких в истории, но, к счастью, вина сохранили свою кислотность, поскольку Отис собрал урожай раньше, чем большинство. Он никак не мог донести до молодых виноделов, что решение о времени сбора ягод – главный аспект работы; выбор идеального дня и даже часа, чтобы снять виноград с лоз, был самым важным из человеческих вкладов в вино.

Отис полагал, что именно британское происхождение заставило его не любить полнотелые вина. Даже при том, что Красная Гора обладала потенциалом для производства больших, мощных вин, он предпочитал укрощать зверя, обуздывать чудовищность плодов, захватывая интенсивность с элегантностью и изяществом. Брукс понимал эту концепцию не хуже других. Красная гора – не вторая Долина Напа³⁰. Вино здесь требовало нежного, женственного прикосновения. Вот почему необычайно талантливая Сара Гедхарт в семейном поместье Хеджес имела такой большой успех.

После того как они закончили, Брукс спросил позволения поздороваться с Морган. Отис раскурил трубку и затянулся ею до упаду. Даже табачный дым был тусклым.

– Конечно, почему бы и нет? Может быть, это отвлечет ее внимание от меня. Уверен, она будет рада и тебя свести с кем-нибудь.

– В данный момент это невозможно. Хотите верьте, хотите нет, но я думаю, что у меня намечаются отношения. Черт, я действительно могу влюбиться.

– Что? Брукс Бейкер влюбляется?

Они пошли по тропинке к дому, чтобы найти Морган.

– Я ее знаю?

– Ты не поверишь.

– Попытаюсь.

– Эбби...

– Эбби Синклер?

На Красной Горе все были знакомы между собой.

– Она самая.

– Ну надо же. Она крутая.

– Знаю.

– Я рад за тебя, сынок.

Морган стояла у мольберта в гостиной и рисовала вид из окна. Увидев Брукса, просияла:

²⁹ Супертоскана, или супертосканские вина – общее название красных тосканских виноградных вин, исторически нетипичных для региона.

³⁰ Американская виноградарская зона (AVA), расположенная в Напа Каунти, Калифорния, США. Долина Напа считается одним из лучших винодельческих регионов в мире.

– А вот и солнечный свет, чтобы высушить дождь и прогнать дьявола.
Она встала и поцеловала его в губы. Она встречалась с Бруксом, когда приезжала сюда в последний раз, и они отлично поладили.

– Ты ведь знаешь, что я вернулась именно из-за тебя?
– Я так и думал. Ты выглядишь все моложе и моложе.
– Все в голове. Вот что я постоянно твержу Отису. Он начинает походить на живой труп. – Она отложила кисть и постучала себя по голове. – Это все в голове.
– Отис рассказал, что ты пытаешься свести его с кем-то. Это действительно необходимо. Он постоянно жалуется на одиночество.
– Ты чертов лжец! – процедил Отис, на что Брукс только улыбнулся. – Не заводи ее!
– И как, есть кандидаты? – спросил Брукс у Морган, скрестив руки на груди и не обращая внимания на Отиса.
– Он не сказал тебе?
– Сказал? О чем?
– Думаю, мы нашли победителя. Она была здесь прошлой ночью.
Брукс вопросительно взглянул на Отиса:
– Что?
– Ее зовут Джоан Тоби, – невозмутимо продолжала Морган. – Потрясающая женщина. Она лайф-коуч и преподаватель йоги.
– Как раз то, что нужно Отису, – сказал Брукс.
– Именно это я и говорю, – согласилась тетка. – Он пригласил ее куда-то сегодня вечером. Отис подскочил.
– Не думаю, что сегодня. Она очень милая. Но сейчас я занят вином.
Морган пересекла комнату и схватила племянника за ухо, как ребенка.
– Отис Пеннингтон Тилл! Или ты пойдешь с ней куда-нибудь сегодня вечером, или я никогда больше не буду с тобой разговаривать!
– Обещаешь?
Она еще сильнее дернула его за ухо:
– Не пригласить ее – все равно что сжечь выигрышный лотерейный билет!
– Отпусти мое ухо. Ты выглядишь нелепо.
– Ах ты, маленький засранец. Ты пойдешь!
– Посмотрим.
– Да-а, мы это сде-е-лаем.
Брукс Бейкер согнулся пополам от хохота.
– Вы двое – мои самые любимые люди на земле. Не могу на вас наглядеться!
– Держу пари, – ехидно подтвердил Отис, наконец вырвавшись из рук тетушки.
– Ты следующая, Морган, – заявил Брукс. – Мы должны найти тебе мужчину.
– О, у меня их по три в каждом городе отсюда до Нью-Йорка. Ты не волнуйся за меня.
Это моему племяннику необходимо перепихнуться.
Бейкер прикрыл рот рукой, подавляя новый приступ смеха.
Отис упер руки в бока:
– Морган, почему бы тебе не заткнуться? Ты позоришь нашу фамилию.
Брукс хлопнул в ладоши.
– О, все в порядке. Я мог бы слушать это целый день.
Отис направился к двери.
– Вы двое немного увлеклись. Я убираюсь отсюда к чертовой матери.
– Иди и поменяй свое отношение к этому, старый ворчун, – сказал Морган.
Отис распахнул дверь и затопал обратно в винодельню.

11

История о двух отцах

– Где вы родились? – спросил Ари Вейнштейн, журналист из *Rolling Stone*.

Брукс предположил, что ему было под сорок, а может, и больше. Лысина на макушке могла быть обманчивой. Мужчина одевался по-молодежному – кеды, футболка «Cars»³¹, несколько колец на пальцах. Джейк упоминал, что Ари работает давно и брал интервью у таких знаменитостей, как Джонни Кэш³² и Том Петти³³. Это статья в журнале должна была стать первым упоминанием о вине.

– Согласно официальным документам, я родился в Сан-Бернардино, – ответил Брукс Бейкер.

Они сидели за столиком у входа в дегустационный зал «Лакода». Это был еще один прекрасный осенний день, вокруг буйствовали виноградники, давшие отличный урожай. На юге и западе среди лоз Красной горы, под густыми навесами листвы были видны разноцветные одежды сборщиков,двигающихся между рядами, спешащих наполнить свои корзины спелыми ягодами.

Служащий дегустационного зала принес бутылку собственной газированной воды, а также мяту и лимон.

– Меня отдали на усыновление, и я много переезжал, так что я бы не назвал это своим домом, – сказал Брукс, выжимая дольку лимона в воду.

– Хорошо, тогда перенесите меня из детства в Южной Калифорнии к виноградникам Красной Горы. Как это произошло?

Брукс улыбнулся сложности вопроса, уставившись на записывающее устройство Ари и отмечая беспокойство, которое появилось с необходимостью рассказать о себе.

– Человек из Красной горы спас мне жизнь. Я остался без денег, едва держался, и Отис Тилл из виноградника там, ниже по горе, – указал Брукс, – вошел в мою жизнь и дал мне второй шанс. Итак, вы спрашиваете, как я здесь оказался? Благодаря этому человеку и только ему. Он заменил мне отца, у меня нет никого ближе. – Бейкер потер виски. – И знаете, я этому рад. Он самый великий человек из всех, что я встречал. Лучший винодел в стране. Если вообще можно его так называть. Он больше философ, чем винодел.

– Я слышал о нем, его имя мелькает тут и там в последнее время.

– Да, именно о нем и следует писать.

Ари помахал рукой.

– Я, конечно, найду его... но давайте вернемся к вам. Вы сказали, что держались на волоске. Что привело к переломному моменту? Вас когда-нибудь усыновляли?

– Да. Я жил в детском приюте, пока, наконец, молодая пара не решила забрать меня к себе. Мне было семь или восемь лет, что-то около того, и я был совершенно не приспособлен к нормальной семейной жизни. Они вернули меня через два месяца. Я оказался не совсем тем, на что они рассчитывали. Впрочем, я их не виню. Я был совершенно измучен и обожжен жизнью. Не доверял ни единой живой душе. Когда я вернулся в приют, началась беготня. Довольно мерзкие перебежки. Из города в город, из семьи в семью, от одних тиранов к другим, из одной запутанной ситуации в еще более сложную. Как только у меня хватило здравого смысла, я

³¹ Футболки с изображением героев мультфильма «Тачки».

³² Американский певец и композитор-песенник, ключевая фигура в музыке кантри.

³³ Американский рок-музыкант.

ушел из приюта. Однажды ночью сбежал и не вернулся. Наконец-то избавился от всего этого безумия. Мне в ту пору было четырнадцать.

Брукс вспомнил, как прокрался вниз по скрипучей лестнице с сумкой, набитой своими вещами, выскользнул за дверь и помчался как угорелый, словно кому-то было не все равно, что он сбежит. Он помнил, как чувствовал свободу и страх... свободу и страх.

– И откуда?.. – уточнил Ари.

– Лос-Анджелес, Сан-Франциско; я продолжал бежать на север. Пять лет спустя уже был в Портленде, потом в Сиэтле. Путешествовал автостопом, запрыгивал в поезда до Нового Орлеана и Майами.

– Как вы выживали? Чем зарабатывали на хлеб?

– Любым возможным способом. Попрошайничество, воровство, ложь, распространение наркотиков. Несколько честных подработок тут и там. Мыл посуду, строил дома, был барменом. Но большую часть этого я бы предпочел не обсуждать. Это то, чем я не горжусь. Я потратил впустую почти двадцать лет, скажем так. Измученный беглец без пристанища. Преступления становились все тяжелее и тяжелее, и я все больше и больше запутывался. – Брукс сделал глоток воды и вытер пот со лба. – Это забавно. Я никогда не говорил об этом раньше. Джейк и Отис – единственные, кто знает мою историю. Не так уж много. Но я просто не люблю рассказывать об этом.

– Пора поделиться этим. Оно того стоит.

– Я не хочу, чтобы дети читали обо мне в *Rolling Stone* и думали, что скатываться по наклонной – хорошо.

– Думаю, они прочтут ее и вдохнутся. Ненавижу произносить банальности, но это же настоящая гребаная американская мечта. Второй шанс, взросление. Так как же в этом замешан Отис?

– Десять лет назад я жил в картонной коробке в Нью-Йорке. Ожидая смерти и желая сдохнуть поскорее, поскольку существовал за счет того, что люди кладут в мою чашку, и знаете... угасая. Честно говоря, сходил с ума. Было примерно это же время года. Помню, как падали листья в Центральном парке. Я сидел на скамейке, посасывая сигаретный окурочок, подобранный на земле, и жалел себя. Помню, что был чертовски зол. Мои ляжки были такой же толщины, как сейчас руки. – Брукс скрестил ноги и глубоко вздохнул, прежде чем продолжить: – Отис появился из ниоткуда и сел на скамейку рядом со мной. Попытался завязать разговор. Поначалу я его игнорировал, но он смог найти слова, которые заставили меня прислушаться. Он сказал мне, что хочет помочь, вот так запросто. Позже я понял, что был примерно того же возраста, что его умерший сын, именно это и привлекло его ко мне. Отис сказал, что знает, что такое безысходность. Рассказал мне кое-что о своей жизни, и оказалось, что моя в сравнении – замечательная. Это было больше, чем просто человек, говорящий со мной; казалось, что происходит что-то грандиозное, словно он был кем-то или чем-то потусторонним, призванным изменить мою судьбу. Даже не знаю, как это описать.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – проговорил Ари.

– Тот момент – он казался значимым, важным. Будто мне нужно обратить на это внимание. Отис оставил мне свою визитку. Сказал, что мне нужно завязать и позвонить ему. Сказал, что отвезет меня в место, о котором я никогда не слышал, называемое Красной Горой, в пустыне на востоке штата Вашингтон. Он сказал, что даст мне жилье и работу. Второй шанс, как вы верно подметили. Потом ушел. Я позвонил ему через месяц, одолжив у кого-то мобильник. Вскоре я учился у него на Красной горе, как делать вино. Он занимался со мной восемь лет. То, кем я стал, все, что умею, то, как определяю вино, аспекты терруара³⁴ и прочее – всем этим я обязан Отису.

³⁴ Совокупность почвенно-климатических факторов и особенных характеристик местности (рельеф, роза ветров, наличие

Ари продолжал расспросы еще два часа, пока Эбби не спасла Брукса. Ему никогда не хотелось расписывать свою жизнь в мельчайших подробностях, как он сделал это сейчас. Но он понимал, что должен открыться. Он был обязан Джейку, винодельне, Отису и Красной горе. Пресса была хорошей штукой, и история, вероятно, стоила того, чтобы ею поделиться. Люди любят читать про возвращение блудных сыновей.

– Вот и ты, – сказал Брукс Эбби, шляпа водителя грузовика скрывала ее волосы почти полностью.

– Привет, джентльмены. Не хотелось вас прерывать.

Ари скрестил руки на груди.

– Думаю, я так или иначе выжал из него все, что мог.

– Он выглядит так, будто вы его били.

– Всю кровь выпил, – признался Брукс.

– Я принесла тебе обед, – сказала Эбби.

– Это очень мило с твоей стороны. – Он был очень рад ее видеть по многим причинам.

Брукс посмотрел на Ари. – Мы уже можем завершить?

– Думаю, у меня уже достаточно материала. Я скажу вам точнее, прежде чем мы отправим их в печать. Возможно, мне понадобятся кое-какие дополнительные сведения, которые мы можем обсудить по телефону.

Эбби и Брукс попросились с Ари и сели за тот же стол, чтобы насладиться обедом. Женщина достала термос и вылила содержимое в тарелки.

– Суп карри из тыкв, которые я собрала сегодня утром. Надеюсь, тебе понравится.

– Только тыква. Карри ведь не из сада? Вы там обленились совсем.

– Мне ужасно жаль вас разочаровывать, но я действительно купила карри в магазине.

– Ну, так и быть...

– Посмотрите, кто сегодня юморит! Ну разве ты не прелесть?

Они улыбнулись друг другу. Это был очень приятный момент, между ними возникла настоящая связь.

Эбби развернула фольгу со стопкой домашних лепешек роти³⁵.

– Они потребуют хорошего вина. – С этими словами Брукс ушел в дегустационный зал и, вернувшись, наполнил бокалы. – Наш новый продукт, разлитый по бутылкам на прошлой неделе. «Шенен Блан» из Красной горы, местное брожение, никакого остаточного сахара, нейтральная бочка. Меня это прям будоражит! Отличные плоды с самых низких участков.

Эбби сделала глоток.

– Мне стыдно признаться, однако я не поняла и половины того, что ты сказал, но напиток восхитительный.

– Тебе не нужно смущаться. Позволь мне сказать тебе кое-что. Я провел первые пять лет с Отисом, учась пробовать вино, изучая все вкусы, недостатки, ароматы, науку. И вот спустя несколько лет я пытаюсь забыть все это, стать таким, как ты. Мы, виноделы, прокляты чрезмерной аналитичностью. Теперь все, что я хочу делать, это пить вино, не думая о pH, или об уровне алкоголя, или об отсутствии либо избытке фруктов, или о его вязкости или густоте.

Она покачала головой.

– Изнурительно.

– Я хочу пить вино так же, как ты. Вкусно ли мне – вот что по-настоящему важно. В конце концов, имеет значение только то, заводит ли это вас. Вот почему Отис так чертовски

водоемов, лесных массивов, инсоляция, окружающий животный и растительный мир), определяющая сортовые характеристики вина.

³⁵ Блюдо индийской кухни, тонкая пресная лепешка с легкой текстурой, изготовленная из пшеничной муки.

хорош. Он может анализировать вино наилучшим образом с научной точки зрения, но он за секунду умеет отключать свое левое полушарие и пробовать вино, словно в первый раз.

Брукс все утро не мог выбросить из головы мысли об Отисе. Ему хотелось поговорить с Эбби о удручающем положении наставника, но он обещал держать это при себе. Бейкер отмахнулся от этих мыслей и сосредоточился на особенной женщине, сидящей перед ним.

– Хватит о вине. Давай поговорим об этом обеде. Давай поговорим о тебе. Ты такая хорошая повариха! Ты приготовила это сегодня?

Эбби вытерла рот.

– Совсем недавно. Джейк и Кармен у себя дома едят то же самое.

– Будьте добры, станьте и моим помощником.

– Ты не можешь себе этого позволить.

– Наверное, так оно и есть.

Эбби обмакнула хлеб в суп и, прежде чем откусить кусочек, спросила:

– Ну и как прошло интервью?

– Я ненавижу говорить о себе. И хватит об этом.

– Ты будешь в *Rolling Stone*. Это большое дело.

– Разумеется. Я определенно взволнован, смущен и все такое.

– Мне не терпится прочитать статью.

– Ты гораздо более интересный объект, – сказал Брукс. – Сколько мы знаем друг друга?

Уже два года? Но ты прожила здесь только половину этого времени.

– Правильно. Я думаю, что в первый раз мы встретились...

– Эбби, я помню, когда мы впервые встретились. Я никогда этого не забуду. Ты с Форестерами приехала из Сиэтла на открытие «Лакода». Тогда у тебя были длинные волосы. Ты меня почти не заметила.

– Я умею замечательно притворяться.

– Если бы я пригласил тебя на свидание в тот день, что бы ты ответила?

Она непринужденно улыбнулась:

– Помню, думала, что ты великолепен, и ты выглядел как большая проблема... с твоими татуировками и мотоциклом. Как раз в моем вкусе.

Брукс рассмеялся.

– Я бы сказала «да», – призналась она.

– Так что же, я упустил целых два года?!

– Время все ставит на места, не так ли?

Брукс решил, что это может означать многое.

– Ты для меня – противоположный конец радуги, то, чего я никогда не смогу достичь.

Ты держала дистанцию.

– Это мой *modus operandi*³⁶, – сказала она.

– Нам еще многое предстоит наверстать, не так ли? Я знаю, что ты девушка из Вегаса. Как тебя угораздило связаться с Форестерами?

Она кивнула, поправляя свои оранжевые часы.

– Я выросла в Лас-Вегасе, училась в Университете Невады и платила за это, работая в больших казино. Там я и познакомилась с Форестерами. Джейк в течение недели выступал в MGM³⁷, и Кармен наняла меня для помощи с Эмилией. Тогда она еще была ребенком, совершенно очаровательным. Потом Кармен попыталась нанять меня на полный рабочий день. Я не была готова уехать и отказала ей. Были кое-какие семейные дела. Мы встретились через несколько лет, и она снова попросила меня – на этот раз быть ее личным помощником, помо-

³⁶ Образ действий (*лат.*).

³⁷ Гостинично-развлекательный комплекс в Лас-Вегасе.

гать с детьми, готовить что-нибудь, что ей нужно. К тому времени меня ничто не держало в Вегасе, поэтому я согласилась на эту работу. Это произошло пять лет назад. Луке как раз исполнилось три.

– Где ты научилась готовить? Я имею в виду, кто еще в Вашингтоне знает, как приготовить роти?

– Кармен отправила меня на кулинарные курсы, когда мы жили в Сиэтле. Три дня в неделю в течение года.

– У тебя, наверное, самая крутая работа на свете. Путешествия с Форестерами по всему миру, обучение кулинарии, пропуск за кулисы, премьеры фильмов; ты можешь встречаться с великими людьми, жить на винограднике!

– Я не жалею. Ты не хуже меня знаешь, что работать на Форестеров очень приятно. Отдаешь всего себя, но это не обязательно плохо.

– Это, конечно, стиль жизни, а не просто с девяти до пяти.

Брукс весь разговор пытался собраться с духом, чтобы поцеловать ее, и в конце концов решил: сейчас или никогда. Он поднялся и подошел к Эбби.

– Встань, пожалуйста. Я хочу тебе кое-что сказать. – Он взял ее за руку. – Я много лет мечтал об этом.

– Много лет?

– Ну, слишком долго.

Мужчина наклонился к женщине. Их губы встретились, и это компенсировало те два года, что он потратил впустую. Как такому раздолбаю, как он, повезло поцеловать ту, которая была ему не по зубам? Все разбитые дороги его жизни в конце концов привели его туда, где сто́ит находиться.

* * *

После долгого дня, вывернув с бездорожья на Демосс-Роуд, Бейкер ехал на мотоцикле через виноградники к своему жилищу. Последние лучи заходящего солнца позволяли кое-как ориентироваться. Построенный десять лет назад дом стоял прямо на реке Якима, на двух акрах лесистой земли, с крошечным участком, поросшим зеленой травой, которую Брукс косил, когда у него появлялось время. На заднем дворе была веранда с видом на реку. Он никогда не предполагал, что будет владеть чем-то подобным. И ему не терпелось привести сюда Эбби и заняться тем, что большинство людей считают само собой разумеющимся: посидеть на веранде, разжечь гриль, выпить вина. Брукс купил этот дом – первый в своей жизни – благодаря подписному бонусу от Джейка, и Эбби будет первой женщиной, не считая Кармен, которая увидит его.

Мужчина в брюках цвета хаки и белом поло ждал на подъездной дорожке, сидя на капоте седана с наклейкой «Герц»³⁸ на ветровом стекле. Когда Брукс подъехал, тот спрыгнул на землю и помахал рукой. Брукс не испытывал особых опасений: он слишком долго жил на улице, чтобы бояться незнакомцев.

– Могу я вам помочь? – спросил он, слезая с мотоцикла. Он даже не потрудился надеть шлем для короткой поездки.

– Привет, Брукс! – Мужчина подошел ближе.

Увидев лицо этого человека, Брукс внезапно ощутил непреодолимый прилив эмоций, задохнулся и едва не потерял равновесие.

– Взгляните на него! Какой взрослый.

– Кто вы такой? – произнес Брукс, заранее зная ответ.

³⁸ Сеть автопрокатов.

– Я не был уверен до этой минуты, но посмотри на себя. Ты просто моя копия. Я твой отец, сынок.

Удар в живот, остановка часов, ошеломляющая путаница, пустота, чернота, холод, поглощение, оглушительное падение в бездну.

Мужчина, схватив его за руку, поймал, не дав упасть.

– Брукс, ты в порядке?

Тот, чувствуя опору, несколько раз моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. Когда он пришел в себя, мужчина сказал:

– Знаю, ты потрясен. Со мной происходит то же самое.

Годы ожидания, недоумения и взросления в одиночестве так и не подготовили его к этому моменту. Брукс чувствовал себя столь неловко, что ему захотелось сбежать. Он даже не мог посмотреть мужчине в глаза.

– Слушай, – выдавил Брукс, – давай не сейчас.

– Понимаю.

– Давай поговорим утром. У меня был трудный день.

Мужчина протянул ему визитную карточку.

– Я здесь на пару дней. Позвони мне, когда сможешь. Просто хочу поговорить. И ничего от тебя не жду. Не собираюсь причинять тебе боль. Я здесь только для того, чтобы поздороваться, извиниться и посмотреть, что будет дальше.

Брукс кивнул, и мужчина, сев в арендованную машину, уехал.

12

Марго 2.0

Марго и Джаспер вышли из больницы через два часа после того, как его отвезли в отделение неотложной помощи. Ни сломанных костей, ни внутреннего кровотечения. Левый глаз Джаспера так сильно заплыл, что он ничего не видел. Его свитер был порван, пока его метелили на тротуаре. Марго не могла смотреть на сына без слез. Он сказал, что у него болит все тело. Они пинали его до тех пор, пока он практически потерял сознание.

В больнице Марго накричала на директора. Где же, черт возьми, контроль? Она была готова подать в суд на школу и семьи троих участвующих в побоище детей. Джаспер отчаянно пытался ее успокоить. Он был прав. Если она начнет войну, это только ухудшит его положение. Пусть дети понесут заслуженное наказание, а у директора нужно потребовать принять меры, чтобы это больше не повторилось. И убедиться, что школа оплатила счета.

По дороге домой Марго медленно вела машину. Когда они выехали на шоссе, Джаспер сказал:

- Если ты будешь продолжать ехать в том же духе, мы никогда не доберемся до дома.
- А вдруг тебе будет больно?
- Мама, я мужчина. Я не хрустальный.
- Да ты только посмотри на себя! Тебя нужно поберечь.
- На самом деле не нужно. Со мной все в порядке. Это часть взросления.
- Избиение – это не часть взросления, Джаспер! А что, если бы они поступили еще хуже?

А если бы они повредили тебе руки?

- Но не повредили же.

Только сейчас Марго вспомнила о Джейке. Она не могла поверить, что забыла о столь важном разговоре, но ведь она так волновалась за сына.

– Могу я сменить тему? У меня для тебя отличные новости. Сегодня я столкнулась с одним музыкантом, который хочет поиграть с тобой.

- О, это круто! Кто?
- Думаю, что он в основном гитарист. Очень хороший парень. Он живет на Красной горе.
- Кто?
- Джейк Форестер.

Повисло молчание.

– О чем ты говоришь? – наконец произнес Джаспер, закуривая. – Что значит столкнулась?

– Я вышла на пробежку, он как раз тоже бегал и остановился, чтобы поговорить со мной.

Мы познакомились, и он сразу же спросил о тебе, сказал, что наслышан.

– Ты издеваешься надо мной. Джейк Форестер слышал обо мне?

– От твоего учителя. Они вроде бы давно знакомы. Джейк попросил твой номер. Сказал, что хотел бы поиграть.

– Это безумие. Квентин даже ничего не сказал. Как ты думаешь, он действительно позвонит?

– Я видела, как он вводил твой номер в свой телефон. Я бы сказала, что у тебя есть хороший шанс.

* * *

Джейк позвонил в тот же вечер. Марго и Джаспер сидели в столовой, ели запеканку из кабачков и хихикали над серией «Безмятежность сейчас» ситкома «Сайнфелд», когда заиг-

рала мелодия телефона. Джаспер ответил, через несколько секунд прикрыл трубку рукой и прошептал:

– Это Джейк. Сейчас вернусь.

Сын побежал наверх, в свою комнату, и Марго последовала за ним, изо всех сил стараясь не шуметь. Она остановилась прямо перед его дверью и слушала, как ее сын разговаривает с одним из самых знаменитых музыкантов на планете. Она светилась от гордости.

Несколько минут спустя Джаспер вышел и обнаружил застывшую на пороге Марго.

– Серьезно, мам?

– Я ничего не могла с собой поделать. И что же он сказал?

– Он хочет немного поиграть. Я поеду туда завтра после школы.

– Что? А у него есть пианино?

– Это же Джейк Форестер. Уверен – есть. Бьюсь об заклад, у него целая студия звукозаписи со всеми инструментами, какие только можно придумать. Я бы на его месте так и сделал.

– О боже, это большое дело!

После ужина Джаспер сел за пианино. А Марго, одетая в бархатный халат, направилась наверх, в ванную комнату, где, примостившись на краю ванны на гнутых ножках, наслаждалась соленым карамельным кексом из морозилки, пока та заполнялась. Когда вокруг за клубился пар, женщина сбросила халат и скользнула в горячую воду, держа в руках бокал вина. Она снова была готова убивать.

Закрыв глаза, перенеслась в прошлое, в их дом в Берлингтоне, где ее бывший, вероятно, все еще спал с этой шлюхой.

По этому случаю Марго была одета в черное. Она пила вино, слушала Сару Вон и ждала свою жертву. Рори вошел на кухню, улыбаясь, налил себе виски и прилежно поцеловал жену в щеку.

– Как прошел день, дорогая?

У Марго не было времени на пустые разговоры.

– Джаспер уехал на ночь. Дом в нашем полном распоряжении.

Глаза бывшего расширились, а рот открылся, как будто кто-то засунул туда морковку. Она хорошо знала этот взгляд. Удивление и безразличие, почти разочарование. Он не хотел ее. Марго было все равно. Она позволила своей черной блузке упасть, демонстрируя отсутствие нижнего белья. Она подошла к нему, забрала портфель и бросила его на пол. Она схватила его за галстук и притянула к себе в поцелуе, последнем в его жизни.

Марго толкала его назад, пока он не уперся в стойку. Она не спеша раздевала его, медленно, по дюйму стянула с него боксеры. Потянулась к оливковому маслу, стоявшему рядом с плитой, и вылила немного себе на руки. Обхватила его пенис и погладила, подводя к кульминации. Он небрежно нащупал ее грудь. Как только он начал стонать и задрожал, Марго снова потянулась к плите и на этот раз схватила чесночный пресс. Он ничего не замечал, глаза его были закрыты. Она опустила пресс к его животу, продолжая ласкать другой рукой. Женщина раскрыла пресс и съжала его вокруг одного из его яичек.

Он закричал и упал на пол, корчась от боли. Все еще голая, Марго нашла свой бокал вина и откинулась на стойку, любящая своей работой.

Марго открыла глаза. Вау, фантазии становились все более агрессивными. Ей было страшно анализировать, какое удовлетворение она при этом испытывала. Какой нормальный человек думает о таких вещах? Эти фантазии несомненно разрушали ее...

Выбравшись из воды, она посмотрелась в зеркало, и ее отражение вызвало у нее еще большее отвращение. Дело было не во внешности. Конечно, ей следовало похудеть. И это выпол-

нимо. Но то, что она увидела и что ужаснуло ее, находилось глубже, было спрятано где-то внутри. Ей однозначно требовалась помощь.

Встреча с Джейком Форестером пробудила в ней новые ощущения. Он был в абсолютном согласии с самим собой, так добр и ласков, что заставил ее чувствовать себя спокойной и счастливой. Ей самой этого хотелось: снова стать уверенной и цельной. Правда заключалась в том, что у Марго была сильнейшая депрессия. Она сознавала это. Возможно, Джаспер догадывался. Ее друзья наверняка знали об этом тоже, хотя она рассталась с большинством из-за своего состояния.

С момента, как она увидела голову той женщины на коленях мужа, Марго начала скатываться по спирали. Переедающая, вечно задумчивая, излишне заботливая. Каждый день она придумывала новые способы убийства! Да что с ней такое?

Как бы то ни было, увидев Джейка, она все осознала – то, что скучает по себе прежней, какой была до и даже в первые дни замужества. Тогда она ощущала себя важной персоной не только на бродвейской сцене, но и по жизни. Что случилось с той женщиной? Как она смеет думать, что хорошая мать, если не держит себя в руках? Как она может рассчитывать на успешное управление гостиницей и фермерским приютом? Как будет давать уроки кулинарии? Как она вообще сумеет снова встретить мужчину?

Ей необходимо измениться. Марго подошла ближе к зеркалу и посмотрела себе в глаза. Она ткнула пальцем в воздух и сказала:

– Тебе нужно меняться, Марго Пирс. И не завтра. Прямо сейчас. Хватит этого бреда.

Она подняла руки в воздух, раскрепощаясь.

– Я прекрасная. Я сексуальная. Я очень умная. Я – сверхновая звезда. Дива. Я – волшебная мама.

Она опустила руки, сжала кулаки и пристально взглянула на свое отражение.

– Я Марго 2.0.

* * *

На следующее утро Джаспер явился на кухню, как всегда, с опозданием. Опухоль спала, но вокруг глаза расплылось черно-синее пятно.

– О, мам, какая ты!

Марго была одета убийственно. Она берегла это красное платье без бретелек в течение нескольких месяцев (красный шел ей больше всего), но день настал. Ее день! Она долго возилась с макияжем, стараясь не переусердствовать, но накладывала его с особой тщательностью. На Марго 1.0 обычно были спортивные штаны и немного румян. Может быть, чуть-чуть помады, если ее губам повезет.

Она улыбнулась.

– Неплохо для старой кошелки, верно?

– Жаркое свидание?

– Нет, милый. Я решила, что пора начать заботиться о себе.

– Молодец!

Она протянула ему смузи из капусты и зеленых яблок.

– Мы начнем употреблять больше вот этого.

Он сделал глоток и вытер рот.

– Ну, некоторое время я, наверное, смогу питаться этим. Можно взять его с собой? Мне уже нужно бежать.

– Не разгоняйся слишком сильно и никого не бей.

Он поцеловал ее и отправился в школу. Вскоре ушла и Марго. Нет лучшего способа начать трансформацию, чем шопинг.

Barnes & Noble³⁹ была первой остановкой. Она выпила двойной эспрессо и провела час в секции самосовершенствования, затем перешла в отдел религии, следом к изданиям, посвященным поддержанию отличной физической формы. Ее даже не волновало, что подумает кассир. Марго 2.0 не беспокоило, что думают о ней люди.

Она с гордостью положила на прилавок гигантскую стопку книг. «Разбуди в себе исполина» Тони Роббинса, «Сила настоящего» Экхарт Толле, «Психокибернетика» Максвелла Мольца, «Будь дерзким» Джона Синсеро, «Сила позитивного мышления» Нормана Винсента Пилла, «Четыре соглашения» Дона Мигеля Руиса, «Я хочу», Джейн Велес Митчел. Список продолжили книги по буддизму, даосизму, йоге, пилатесу. Марго даже купила пособие по изучению французского языка, которым баловалась еще со школы. Ну что ж, теперь пришло время стать серьезнее.

Следующий час она посвятила покупке спортивной одежды марки «Лулулемон» и «Спиритуал Гангстерс». Дальше был торговый центр, где она пополнила свой гардероб: ей нужно было чем-то перебиться, пока она не получит свое новое тело, а сей процесс, она полагала, займет пару месяцев. Наконец, она записалась в студию йоги, которой когда-то занималась в Нью-Йорке и поначалу в Вермонте, но не сидела на коврик с тех пор, как родился Джаспер. В общем – очень давно.

На обратном пути она позвонила своему подрядчику.

– Таннер, – сказала она, – разве ты сегодня не должен был вернуться? Утром я надеялась тебя увидеть.

– Да, извини, что не позвонил. Подцепил вирус, когда был в Канкуне. Смогу быть не раньше понедельника.

– Таннер, я говорю это со всей любовью на свете. У меня кончается терпение... и деньги. Непростительно, что на этой неделе, пока тебя не было, никто не работал. Объект простаивает, ничего не происходит. Вместо задней двери – фанера и пластик. Не знаю, потому ли это, что я женщина, или причина в чем-то еще, но мне кажется, что ты просто используешь меня в своих интересах.

– Минуточку... – начал было Таннер.

– Дай мне закончить. Потом сможешь высказаться ты. Я собираюсь строго контролировать это строительство. Мне нужны еженедельные отчеты о том, кто приезжает работать и сколько это стоит. Я хочу знать с точностью до минуты, чем вы занимаетесь, и хочу видеть рабочих каждый божий день. И в выходные тоже. Если для вас это проблематично, лучше нам разорвать контракт прямо сейчас. Мне нужно, чтобы первые постояльцы заехали в гостиницу в марте, а это значит, что все до мелочей должно быть предусмотрено до конца января. Я не хочу в феврале даже вкручивать лампочки. Тебе понятно?

– Да, мэм.

– В последнее время мной слишком часто помыкали, и теперь это должно прекратиться. Придется доказывать каждый день, что тебе нужна эта работа. Тебе есть что сказать?

– Нет. Мы сделаем это.

Марго дала отбой и медленно расплылась в улыбке, вслушиваясь в рев своего автомобиля, несущегося по шоссе. Она взглянула на себя в зеркало заднего вида.

– Молодец, – проговорила женщина. – Марго 2.0 здесь, чтобы остаться.

Глядя вперед, повторила:

– Марго 2.0.

Потом еще раз увереннее:

– Марго 2.0.

³⁹ Крупнейшая в США книготорговая сеть.

Она запела, ее сильный бродвейский голос импровизировал нелепицы, которые делали ее еще счастливее.

– Марго 2.0 здесь, она здесь, чтобы остаться, она здесь, чтобы остаться. Все смотрят на Марго 2.0, она самая крутая женщина, самая красивая женщина, самая сексуальная женщина на Красной Горе. Она мать, она любовница, она повар, она королева-аааааа!

13

Музыкант

В дверь позвонили в третий раз. Потом в четвертый. Собаки спрыгнули с постели Эмилии и теперь беспрестанно лаяли у входной двери.

– Уходи! – закричала она, натягивая на голову подушку.

Она прогуливала школу и до сих пор ничего не ела. Лежала в пижаме и слушала Сюзанну Вегу. Девушка никому не рассказала о Джо. Ни Сэди. Ни родителям. Ни одной живой душе.

Дверной звонок не унимался. Сквозь все эти звуки: пение Сюзанны Веги, лай и нескончаемый трезвон – была слышна музыка, доносившаяся из студии позади бассейна. Ее отец играл на электрогитаре и, очевидно, ничего не слышал. Эмилия наконец выбралась из постели и закричала:

– Иду!

Ей было все равно, что сегодня она не смотрелась в зеркало. Она спустилась по лестнице, успокоила собак и открыла дверь.

Перед ней стоял парнишка из школы. Тот, которого избили. У него был синяк под глазом и ссадина на щеке. И, как всегда, на нем красовалась фетровая шляпа – федора⁴⁰.

– Привет, – сказал он.

Пеппер и Уилсон выскочили и бросились к нему. А он опустил на колени и гладил, пока они не успокоились. Собаки лизнули его в лицо, он рассмеялся и, поднявшись, сказал:

– Вы, наверное, не знаете, кто я. – Протянул руку. – Меня зовут Джаспер.

Эмилия ответила на рукопожатие и оглядела парнишку с головы до ног. Он был хорошо одет: футболка, блейзер, темные джинсы и кожаные ботинки. Вид довольно щеголеватый, так мог бы выглядеть молодой еврохипстер. Он был невысокого роста, чуть выше нее.

– Я знаю, кто ты. Меня зовут Эмилия. Мой парень, который скоро станет бывшим, сотворил это с тобой вчера, не так ли?

Джаспер кивнул.

– Он у тебя очаровашка.

– Мне очень жаль.

– Ты здесь ни при чем. Он должен делать свое дело, быть футболистом и все такое. Ему нужно кого-то бить.

Эмилия удивленно взглянула на него.

– Наверное, ты прав. Ну, как бы то ни было, я не в восторге от случившегося. И он уже не тот, кем был раньше.

Одноклассник пожал плечами:

– Проехали. Почему тебя не было в школе?

– Неважно себя чувствую. – Она вдруг поняла, как жутко выглядит.

– Обидно. Вообще я пришел увидеться с твоим отцом. Он дома?

– С папой?

– Да, он вчера звонил. Мы собирались помузицировать.

– Он хочет дать тебе урок?

– Я... не думаю. Просто хотим вместе поиграть.

– Ты играешь?

Джаспер пальцами провел по воображаемому пианино.

⁴⁰ Шляпа из мягкого фетра, обитая один раз лентой. Поля мягкие, их можно поднимать и опускать. На тулье имеются три вмятины.

- Щекочу клавиши время от времени.
- Он сам тебе позвонил? – уточнила слегка шокированная Эмилия.
- Ну да, вчера.

Конечно, ей ужасно не понравилось, что она ничего об этом не знает. Но это не повод быть стервой. Бедный парень и так получил на этой неделе достаточно, черт возьми, и не его вина, что сейчас ее буквально все раздражает.

- Он сейчас у себя в студии. Проходи.

Джаспер последовал за ней внутрь. Она провела его через заднюю дверь мимо бассейна к студии – отдельному строению, которое ее отец называл пещерой абсолютного мужчины, с кабинкой звукозаписи, арсеналом инструментов, золотыми и платиновыми пластинками на стенах, полноразмерным баром и кухней, бильярдным столом, доской для игры в дартс, кино-театром, шахматным столом.

Она открыла дверь в коридор и указала на стеклянную створку в его конце:

- Он там, внутри. Тот парень, который терзает свой слух.
- Спасибо, – сказал Джаспер. – Приятно познакомиться, Эмилия.
- Мне тоже. Еще раз извини за Текса.

Девушка нашла на кухне пинту мороженого «Бен и Джерри». Прислонившись к стойке, съела несколько кусочков «Черри Гарсиа». Потом налила воды, вернулась в комнату и легла в постель, чтобы послушать Сюзанну Вегу, свою единственную надежду на выживание.

Джо так и не позвонил. И, наверное, никогда не сделает этого. Девушка закрыла глаза. Могла ли она поступить иначе? Ей не следовало так часто заходить в его кабинет. Она должна была быть неприступной. Не становиться для него легкой добычей.

Любопытство вывело ее из задумчивости. Эмилия спустилась по лестнице и направилась в студию. Подойдя ближе, услышала приглушенные звуки, тем не менее достаточные для того, чтобы разобрать инструменты – фортепиано и гитара.

Она вошла в первую дверь и села в коридоре. Здесь музыка звучала гораздо громче. Сквозь стекло второй двери ей была видна задняя стенка пианино. Джаспер играл как профессионал. Ее отец пел. Это была песня, которой он занимался в последнее время. Инструменты звучали так, словно оба музыканта играли вместе уже много лет.

Мелодия закончилась, и они немного поговорили о синяке под глазом парнишки, о школе, о Красной горе и о музыке. Джаспер говорил о последовательности аккордов и импровизации. Затем Джейк наиграл новую песню, недавно им написанную. Джаспер легко подхватил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.